

Сергей Панченко

Мир Тараумара

ИДДК

Сергей Панченко

Мир Тараумара

«ИДДК»

2022

Панченко С. А.

Мир Тараумара / С. А. Панченко — «ИДДК», 2022

Жизнь прекрасна и удивительна во всех проявлениях, правда? А теперь представьте, что удивляться и радоваться всему можно только на бегу, без всякой альтернативы, или Бездна поглотит вас. Кусок странного мира вне времени и вне пространства ждет каждого из нас проверить на что мы способны.

© Панченко С. А., 2022

© ИДДК, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Панченко Мир Тараумара

© Панченко Сергей
© ИДДК

* * *

Глава 1

Тараумара – индейский народ, проживающий в гористой местности Сьерра Тараумара в штате Чиуауа на северо-западе Мексики. Славятся как самые выносливые бегуны в мире. Для них бег – своеобразная религия. Радость бега они дарят Богу.

Не всякая жизнь есть в полноценном понимании жизнь. У скольких она похожа на бег с препятствиями, через которые удаётся перепрыгнуть не с первого и даже не с десятого раза. А мы бежим, бежим, тащим за собой всё, чем обрастаем, чем дорожим. Спешим к той точке, за которой завершится наш бег. И похоже ли это на жизнь? Задумайтесь в глобальном смысле, посмотрите на себя сверху глазами существа, не являющегося человеком. Увидит ли он смысл в нашей жизни, поймёт ли, ради чего начался этот забег? А есть ли у нас выбор, бежать или не бежать...

В кабинет вошла уборщица, глянула на скорчившегося перед монитором Степана и недовольно цыкнула.

– Стёпа, блин, иди уже домой. Весь город празднует, только ты никак от компьютера не отлипнешь. Никто тебе за переработку в этой конторе не заплатит лишнего.

– А как же быть? У нас дедлайн, сроки поджимают. Заказчики могут и счёт выставить за несоблюдение графика. Я лучше пару часов лишних на работе посижу, чем потом выслушивать в свой адрес, какая я ленивая скотина. – Степан снова вперился в экран и застучал пальцами по клавиатуре.

– Ты же тут дольше всех работаешь? – спросила уборщица, обмакивая швабру в ведро. – Я тут седьмой год, а ты уже был.

– Да, скоро девять лет, – ответил парень, не отрываясь от работы. – Сразу после универа.

– Ладно я, мне никакая карьера не нужна. Знаю, сколько денег нужно, чтобы месяц протянуть, вот и работаю не напрягаясь. Муж сварщик, у него зарплата раз в семь больше моей. Можем летом и на море махнуть без ущерба бюджету, и кредит за машину платить. А ты уже на собственную тень стал похож.

– Так, Мария Георгиевна, мойте полы и не отвлекайте. Мне концентрация нужна, чтобы цифры не перепутать.

– Тебе не концентрация, а мужество нужно, чтобы послать начальство куда подальше. Они-то не сидят тут, водку жрут на даче, у них же корпоратив. Причём за казенный счет.

– Вам-то откуда известно?

– Дача наша. Недорого сдала на сутки. У нас там все условия, баня, бассейн, сад. Они уже второй раз у меня гуляют. А ты что, не знал?

– Нет, не знал, – Степан искренне удивился. – Никто даже намёком не обмолвился.

– Я же говорю, тебя используют, как дешёвую рабочую силу. Хоть ты и ветеран, а отношение к тебе, как... – уборщица не нашла подходящее слово.

– Всё, не мешайте. – Степан сделал вид, что работает, а на самом деле в душе разгоралась обида, что с ним так поступили.

Теперь он понимал, насколько абсурдны его мечты о повышении. Наивно полагая, что начальство оценит его трудолюбие, исполнительность и повысит, поставив небольшим руководителем с хорошей зарплатой. Он ведь на самом деле разбирался в работе, мог сделать её исполнение более продуктивным. Но вот представив на мгновение людей, которые руководили им в настоящий момент, он понимал, что не похож ни на одного из них. Его начальники все как на подбор славилась умением подлизаться к вышестоящим, симуляцией активного трудо-

вого процесса, способностью без зазрения совести нагрузить коллектив сверх меры, ничего не предлагая взамен. Степан не выжил бы с ними в одной команде.

Он посмотрел на часы, потом в окно, там уже начинало темнеть. Выключил компьютер и стал собираться домой.

– Вот и правильно, – похвалила его уборщица. – Жена заждалась, наверное.

– Наверное, – неуверенно произнёс Степан.

Женился он два года назад на Василисе. Романтика семейных отношений закончилась быстро. Василиса перестала быть прекрасной или премудрой и вела себя так, словно они сожители, снимающие одну квартиру. Обязанности были ей в тягость. Она не любила готовить, убирать, не хотела детей, зато любила болтать по телефону часами напролёт. Ставила на громкую связь и ходила по дому, разговаривая то с мамой, то с подругами. Степана это бесило, но он сдерживался, зная, что, устроив конфликт, только усугубит ситуацию.

Он был уверен, что Васька сейчас не дома, а у одной из подруг, празднует день города. Она уже давно не считала необходимым ставить его в известность относительно своих планов. Его это обижало, но все попытки воззвать к её совести заканчивались насмешками. Василиса не создана для нормальной семьи и полностью копировала жизненный путь матери, которая почти всю жизнь прожила одна, с глубокой убеждёностью, что мужчины должны и обязаны.

– Домой? – спросил охранник на выходе.

– Да, пора уже.

– Ну давай, с праздником.

– И вас.

Степан вышел на улицу. Летний зной ещё исходил от горячего асфальта, но ветерок уже дул прохладный. Он было направился к остановке, но вспомнил, что сегодня улица перекрыта в честь дня города для пешеходов. На такси денег жалко, поэтому решил идти пешком. Всего-то четыре остановки, полчаса ходьбы.

Народ двигался ему навстречу, спеша на концерт на открытой площадке в центре города и салют. В отличие от него, приунывшего от мрачных мыслей, люди выглядели весёлыми и счастливыми. Степан испытал раздражение, что у них есть повод для веселья, а у него нет. Вроде как они перетянули общее одеяло счастья на себя и виноваты, что ему теперь невесело.

– С праздником! – поздравила его девушка из шумной компании.

– Спасибо, – Степан улыбнулся уголками губ.

– Идёмте с нами, – решительная девушка заметила его смурной вид и постаралась развеселить.

– Нет, спасибо, – он отмахнулся от неё, как от назойливой мухи.

Девчата рассмеялись, ничуть не обидевшись, и шумно удалились. Степана кольнула совесть, что он мог совсем иначе провести вечер, точно весело, а не киснуть дома, заглядывая в пустой холодильник и подавляя в себе приступы злости на жену. Пусть это была бы кратковременная радость, ни к чему не обязывающая, но искренняя, с желанием поделиться счастьем. А он понял, что у девушки его избыток. Степан обернулся, будто хотел увидеть, что шанс ещё можно использовать, но девичья компания уже растворилась в толпе.

– Лопух, – выругался он на себя.

Через пару остановок стало тихо. Народ кучковался только возле баров и пивнушек. Причем у пивнушек такой отборный контингент, который стоило обходить стороной, что он и делал. Однако ему это не помогло. Из тёмной подворотни неожиданно появилась компания.

– Парень, дай столичник, – произнёс один из типов, окатив его тяжёлым перегаром.

– У меня нет налички, – соврал Степан, почувствовав опасность.

– Давай на номер мне деньги скинь, – бесцеремонно предложил хулиган.

Степан не знал, что ответить. Страх сковал его разум.

– Где у тебя телефон, я сам переведу, – хулиган полез щупать его карманы.

– Хорош, вы чего, ребята, – заблеял Степан. – Я сам.

Он полез в карман и вынул телефон. Трясущимися пальцами разблокировал его и запустил программу для перевода денег. Как только она заработала, телефон вырвали из его рук.

– Эй, хватит, верни телефон! – выкрикнул Степан и полез за ним.

Его грубо оттолкнули.

– Не ори, придурок. Мы же не грабители, возьмём, сколько надо, остальное оставим, – хулиган хрипло засмеялся. – Ого, у него тут нормально повеселиться нам хватит.

– Отдай телефон, – Степан кинулся вперед, ухватил за руку хулигана и попытался вырвать свою вещь.

Его ухватили сзади и оттащили в сторону.

– Отдай телефон! – выкрикнул Степан, погружаясь в состояние аффекта.

Он двинул локтем назад и попал в лицо тому, кто его держал. Парень закричал и свалился на асфальт. Степан снова кинулся к телефону и почти достал его в прыжке. Но тут из его глаз брызнули искры одновременно с глухим ударом по затылку. Мир ушёл из-под ног. Степан полетел в пропасть и безболезненно ударился лицом о землю. Он услышал удар, но не ощутил его. Вскоре затих и звук.

Степан проснулся внезапно. Вначале не вспомнил, что произошло с ним, но спустя несколько секунд события вечера вернулись в память. Он инстинктивно потрогал затылок. Он не болел, даже не ощущалось никакой припухлости, которой не могло не быть после такого удара. Фантомная боль при этом всё равно чувствовалась в виде ломоты. Степан приподнялся и огляделся. На дворе ещё темно, наверное, поэтому он никак не мог узнать место, где находился. Дорогу от работы до дома он знал наизусть.

Степан сел и проверил карманы. Телефона не было, зато бумажник и ключи от квартиры оказались на месте. Хоть это радовало. Он твёрдо решил обратиться в полицию, понимая, что транзакцию легко отследить и на владельца номера телефона, куда перевели его деньги, легко выйти. Степан встал и прошёлся по небольшому дворику, огороженному высоким забором. Свет в доме и на улице не горел.

На ощупь нашёл ворота и открыл их. Удивительно, в городе царила неестественная тишина и совсем не было света. Неужели праздник закончился глобальной перегрузкой электросетей? Но машины-то куда делись? Степан не помнил ни одного часа в городе, когда бы тот не производил шум. Спать с открытым окном нереально из-за ревущих моторов ночных гонщиков или ора пьяных компаний. Он вышел за ворота.

Улица не походила на ту, на которой его ограбили и избили. Наверное, шпана решила избавиться от него, решив, что человек может дать дуба, и подкинула во двор на самой окраине города. Окраина была совсем дремучей, раз здесь все так сэкономили на электричестве. Ни одного работающего фонарного столба, куда ни глянь, ни одного света в окошке. Степан замер на дороге, не зная, в какую сторону направиться. Стоило дожждаться рассвета, прежде чем выбирать.

Он посмотрел вверх и замер. Он не узнал небо. Обычно в городе и звёзд не видно ночью, а тут их миллиарды, собранные в неизвестные созвездия и даже туманности, которых он никогда не видел прежде. Это был первый тревожный сигнал, заставивший Степана запаниковать. Паника плохой советчик, но активный. Он забыл о своём желании дожждаться рассвета и просто пошёл по дороге, не слишком соображая, что делает.

В голове его начался диалог:

– Мне кажется, со мной произошло что-то страшное. Это место выглядит слишком чужим. Такого неба над Землёй не бывает.

– А если тебе это кажется из-за последствия удара? Не паникуй раньше времени, возьми себя в руки. Остановись, подумай, ты во всём разберешься. Ты всегда разбираешься с проблемами до крайнего срока сдачи работы.

– Я чувствую, что в этот раз всё серьезно. Я влип в какую-то неприятную историю. Почему у меня нет последствий удара по затылку? Вдруг я умер?

– Мёртвые так себя не ведут. Самое простое объяснение, это то, что ты провалялся без сознания больше суток. Место удара поджило. Например, трёх вполне могло хватить для этого.

– Трое суток?! – вырвался крик изумленного Степана, разлетевшийся по ночной улице. Он вздрогнул, испугавшись самого себя.

– А что такого? Это нормально. Организм продуктивнее в бессознательном состоянии.

– Я не успокоюсь, пока не найду причин для этого. Пусть появится хотя бы один автомобиль на дороге или загорится хоть один фонарь. Что это за чёрная дыра, а не место?

– Это похоже на дачи. Тебя бросили умирать в заброшенном дворе, и нашли бы твои кости случайно через год или два. Радуйся, ты жив. Встретишь людей, узнаешь у них всё и вернёшься домой, к Ваське.

– Если я здесь не один день валялся, то меня, наверное, уже уволили.

– Не было печали. С такой работы надо давно бежать без оглядки.

– Нормальная работа.

– Нормальная, это когда за тебя держатся, зная, что ты хороший специалист, а не наоборот, когда ты держишься за них, зная, что являешься хорошим специалистом.

– Пошёл ты!

– Парень! Парень! – раздался в темноте неуверенный женский голос. – Ты с кем разговариваешь?

Степан от неожиданности покрылся мурашками и не сразу ответил. Он увидел тёмный силуэт у светлого забора.

– А, хм, это я сам с собой, – ответил он простовато. – Вы... не подскажете, где я нахожусь?

– Что? А вы что, тоже не поняли, как очутились здесь? – неожиданно спросила девушка.

– Я и не мог этого понять, потому что меня огрели по голове, и я отключился. А вы что, тоже не помните?

– Не помню. Я легла спать в одном месте, а проснулась здесь, в каком-то гамаке, в чужом дворе, и хоть убей, не помню, как здесь оказалась, – призналась она. – Мне страшно идти одной.

Степан задумался.

– Небо вам не кажется странным? – осторожно уточнил он.

Девушка посмотрела вверх. Долго всматривалась и наконец произнесла:

– А что там? Я не вижу ничего такого.

– Созвездие Большую Медведицу или Ковш знаете?

– Э, ну, в школе проходили.

– А вы его видите?

– Кого, Ковш или Медведицу?

– Это одно и то же.

– Да? Не вижу. Что ты пристал со своими созвездиями?

– Я пристал, потому что не знаю, небо надо мной реально такое или это последствия удара по голове. Для меня оно совсем другое, его не должно быть видно с Северного полушария.

– Какое Северное полушарие? Я из России, из Ярославля.

– Из Ярославля? – удивился Степан.

– Ну, да, а ты нет?

– От меня до Ярославля тысячи две километров или чуть больше. Это место похоже на твой город? – спросил он, чувствуя, как нехорошие подозрения только усиливаются.

– Да я вообще не вижу, что это за место. Убогое захолустье какое-то. Наверное, как раз за две тысячи километров от Ярославля. Кто-то меня накачал снотворным и отвез сюда, – усмехнулась она.

– Было за что?

– Было. – Девушка поправила грудь, словно она была одновременно её гордостью и причиной проблем.

– Что же это за место такое, куда свозят, когда хотят избавиться? – спросил Степан.

– Рассветет – узнаем.

– Да, придётся ждать рассвета. Народ здесь спит изо всех сил. Тебе не показалось странным, что здесь очень тихо? Ни машин, ни лая собак.

– Показалось, но если это дачи, то тут собак немного и машины просто так не ездят. Тебя как зовут-то? – поинтересовалась девушка.

– Степан, а тебя?

– Ха, Стёпа-растёпа, – она посмеялась над именем. – Секлетинья. Ладно, шучу, Настя.

– Очень приятно, – произнёс Степан нейтрально. – Ну, будем ждать здесь или пойдём?

– Зачем идти, не вижу смысла. Тут вот лавка есть, можно посидеть до утра. – Она отошла к забору и присела. – Присоединяйся.

Степан сел рядом.

– У тебя телефон есть? – спросил он.

– Нету. Говорю же, спала.

– А часы?

– Нет и никогда не было. Тебе зачем?

– Время узнать. Сколько там до рассвета осталось.

– Думаю, уже скоро. Я часа два как минимум бодрствую. – Настя закинула ногу на ногу.

Степан посмотрел на белеющие в темноте голые бёдра девушки.

– Не коротковато платье? – поинтересовался он.

– Это не платье, ночнушка. А тебе не нравится? Ты ханжа? – спросила она с вызовом.

– Нет, не потому спросил. Подумал, что озябнешь к утру. А ты собираешься в ночнушке ходить по улице?

– Она у меня запросто за летнее платье сойдет. Правда, если ветром подымет, то на мне трусов нет, – Настя засмеялась.

Степан понял, что девушка довольно легкомысленная и с узким кругозором, но уверенная в собственной привлекательности. Его это несколько напрягло, он не любил совмещение глупости и сексуальности в одном человеке, считая это проявлением лени и самодовольства.

– Могу свои отдать, я всё равно в штанах, – пошутил он.

– Ой, фу, чужие трусы я на себя не надену. Уж лучше писькой светить, чем быть в чужом интимном белье. Ты, поди, не из-под душа?

– Да уж два дня как, и это те дни, что я помню.

– Ой, фу, сам носи.

– Ну, как знаешь.

Они просидели около часа на лавке, разговаривая ни о чём, прежде чем рассвет окрасил красным горизонт. Звёзды тотчас потускнели, и небо уже не казалось таким чужим. Подул свежий ветерок, словно где-то открылось окно. Рассвет разгорался, стал оранжевым, и вот из-за горизонта выглянул яркий жёлтый диск солнца. Он наполнил мир светом, но, прежде чем глаза смогли смотреть на яркий свет, Степану показалось, что он не видит горизонта. Ровная и плоская поверхность уходила вдаль, насколько хватало взгляда. Но это был краткий миг, который мог и почудиться. Степан вытер слёзы, выступившие от света.

– Ну, рассвело, а понятней, куда идти, не стало, – заявила Настя, глядя вдоль улицы.

– А давай зайдём во двор и спросим хозяев. Может, они тебе и труссы дадут, – Степан посмотрел при свете дня на новую знакомую.

Ей действительно было чем гордиться. Симпатичная мордаха, хорошая фигура с небольшим количеством жира, делающего её сочной. Под стать фигуре и лицо, с пухлыми щёчками, губками и большими глазами. При этом Настя умело распоряжалась природными данными. Все её движения являлись продолжением естественной красоты, отражающими осознание этого. Ночная рубашка едва прикрывала ноги. В ней нельзя было наклониться даже чуть-чуть, чтобы не оголить ягодицы.

– Ты всё-таки ханжа, – фыркнула она. – Обычно мужчины пускают слюни от упоминания, что на мне нет трусиков.

– Ну не в этой же ситуации? – удивился Степан.

– Ладно, пошли, нанесём ранний визит, может, ещё и чаем напоят.

Она открыла калитку и вошла во двор. Степан зашёл следом, ожидая встретить собаку. Никого не оказалось. Во дворе всё выглядело прилично, хозяева убирались регулярно. На плитке ни единого листочка или земли. Рассада в парниках, побеленные стволы яблонь. На дачу не похоже. Дом слишком основательный. Кнопки звонка на двери не оказалось. Настя постучала, а потом в окно рядом. Никто не ответил.

– Дрыхнут, – решила она. – Какие-то ленивые крестьяне.

– Я бы так не сказал. Огород в полном порядке.

Тронул ручку, она поддалась, и дверь открылась.

– Настя, – позвал Степан девушку, пытавшуюся заглянуть в окно. – Дверь открыта.

– Мы же напугаем их. Ты представь, спишь, а тут тебе в дом вваливаются незнакомцы.

– А мы потихоньку спросим, есть кто дома или нет.

– Давай я зайду первой. Обычно я оказываю на людей положительное первое впечатление.

– Пожалуйста.

Степан отошёл в сторону. Настя открыла дверь и зашла в сени. Подошла к двери, ведущей непосредственно в дом, и постучала. С той стороны никакого шевеления. Постучала ещё, снова ничего. Настя приоткрыла дверь.

– Здрасти, дома кто есть? – спросила она.

Никакого ответа.

– Извините, пожалуйста, дома кто-нибудь есть? – спросила она громче.

Ответа снова не последовало. Настя удивлённо посмотрела на Степана.

– Не нравится мне тут, – она прикрыла дверь. – Вообще не нравится эта тишина. Пошли отсюда.

Степан пожал плечами, не видя причин отказываться от контакта с жильцами этого дома.

– Что ты предлагаешь? – спросил он.

– Ждать, пока не встретим людей на улице.

– Ладно, хорошо, идем.

Они покинули двор и вышли на улицу. Теперь можно осмотреться основательнее. Место, в которое их занесло, больше всего напоминало большой посёлок, оставшийся, по сути, деревней, но с более-менее однотипной застройкой и геометрически правильной конфигурацией улиц. Посёлок словно вымер, не производя никаких звуков, кроме тех, что создавал ветер. Изредка хлопала калитка, шумели деревья – и всё, ни машин, ни мотоциклов, ни даже велосипедистов.

Тревога холодила чувствительную душу Степана. Ему хватало ума понять, что мир вокруг выглядит странно, ненатурально, и не только из-за тишины. У него сложилось ощущение, что посёлок бесконечен. Он видел улицы, уходящие вдаль, насколько хватало взгляда, на километры, а может, и десятки километров. Просто он никогда не видел из-за кривизны Земли,

как могут выглядеть плоские поверхности на десятки километров. Настя не хотела этого замечать, только сокрушалась, что её раздражают местные жители, которых нет.

– Хватит, мы зря тратим время, – Степан остановился. – Я пойду в дом.

– Но вдруг там никого нет?

– Я уверен, что так и есть. Тебе не кажется, что мы в каком-то месте, которого не существует?

– Не кажется.

– А ты где-нибудь кроме Ярославля бывала?

– Бывала. Я в Турцию два раза летала и один раз в Египет. А ты?

– В Турции и Египте не бывал, но по стране поездил. Ты не видишь, что для посёлка он слишком огромный? Все дома как под копирочку с минимальными отличиями. Улицы от горизонта и до горизонта, идеально пересекаются крест-накрест. Ни предприятий, ни всяких административных зданий, ни магазинов. Где это видано, чтобы «Пятёрочки» не было в каждом дворе? Ни одной машины у дома. Ни одной.

– Да тут бедняки живут. У них «жигули» в гараже, которые ещё на свадьбу подарили.

– Ну конечно. – Степан направился к ближайшему двору.

Здесь был гараж, и ему стало любопытно посмотреть, есть ли в нём машина. Он открыл калитку, зашёл во двор, прошёл к гаражу. Дверь в него оказалась открыта. Заглянул внутрь. Никакой машины в нём не обнаружилось, хотя обстановка говорила о том, что она здесь когда-то стояла. Масляные потёки на бетонном полу, зимние покрывки на стенах.

– Нет машины. Даже «жигулей», – Степан показал Насте пустой гараж.

Подождал к двери в дом. Она тоже была открыта. Приоткрыл её и спросил.

– Хозяйева дома?

– Какой ты грубый, – прыснула Настя. – Я бы точно не ответила.

Степан смело прошёл внутрь. Снял на всякий случай обувь, если хозяйева всё же окажется на месте.

– Дома кто есть? – повторил вопрос.

Тишина. Прошёл по всем комнатам. Всё выглядело так, словно дом оставили совсем недавно. Прибрались и уехали. Он пощёлкал выключателями. Света не появилось. Прошёл на кухню и открыл холодильник. В нём было ещё холодно, но свет тоже не горел, будто электричество выключили незадолго до этого.

– Будешь? – Степан вынул из холодильника бумажный пакет молока и предложил его Насте, которая ходила за ним по пятам.

– Я молоко не пью. У меня непереносимость лактозы. – Она сама заглянула в холодильник.

Пока она выбирала, что съесть, Степан прошёлся по кухонным шкафам и обнаружил пачку печенья. С холодным молоком самое то на завтрак. Настя достала морковь, попыталась помыть под краном, но воды не было.

– Чёртов колхоз, – выругалась она и полезла проверять шкафчики.

Нашла пыльные пятилитровые бутылки. Вынула одну из них, понюхала и удовлетворённо произнесла:

– Вода. Пить не буду на всякий случай, но помыть сгодится.

Она помыла морковь, почистила и принялась грызть, шумно жуя. Степан посмотрел на её легкомысленный образ.

– Может, тебе пригодиться? – предложил он.

– Ты о чем? Взять чужую одежду? Украсть? – она посмотрела на него, как на дурака.

– Насть, ты не видишь, что мы оказались в каком-то странном месте, как будто ненастоящем? Здесь нет людей, бери что захочешь.

– Ты знаешь, что, Степан, тебя, наверное, серьёзно приложили по затылку. Хватит нести дичь про людей и про место. Ничего чужого я брать не буду.

– Ты хоть трусы надень.

– А то что? – она посмотрела на Степана вызывающе. – Ты за себя не отвечаешь? – Она взяла и задрала подол ночной рубашки. – На, смотри, страдалец.

– Ох ты и дура, Настя! – Степан отвернулся.

Поведение этой девушки чем-то напомнило поведение его Василисы в конфликтных ситуациях. Она тоже быстро теряла моральные нормы и могла отчебучить что угодно, начать крыть матом как сапожник, или демонстрировать себя в моменты внезапной ревности. Степан позавтракал и вышел из дома. Настя появилась спустя пару минут.

– Всё, надела, – сообщила она. – Доволен?

– При чём здесь я? Не мои причиндалы открывает ветром.

– Ладно, прости, что я так себя повела. Вы же, мужики, все немного животные.

– Стоило ли извиняться, чтобы снова оскорбить? – Степан усмехнулся.

– Так это же правда. У вас плавающий ум между мозгом и членом. Причём одновременно он не может быть и там и там. Мне даже смешно бывает, как я легко добиваюсь любого мужика. Они как зомби становятся, когда даю понять, что не против замутить с ними интрижку. – Она вытянула руки вперед и хрипящим голосом нежители продолжила: – Секс, мне нужен с ней секс.

– Ну, я бы не стал себя вести как зомби, – признался Степан. – Ты хорошенькая, но туповатая, а это сразу отбивает интерес.

– Вот ты говнюк. Нет, ты ботан и лопух, который просто не дотянется до девушки такого уровня, как я.

– Как много мы узнали друг о друге за такое короткое время. Секрет этой песни тебе подсказала гитара, лопух и шалава, не пара, не пара, не пара, – Степан искренне рассмеялся, довольный экспромтом.

– Да ты морально подкованный говнюк, – признала Настя. – Ладно, давай с этого момента забудем всё, что мы узнали друг о друге и что наговорили.

– Давай, – согласился Степан.

Они дошли до перекрёстка, там стоял неработающий светофор. Направо открывался вид на более широкую улицу, и будто бы вдалеке им показалось, что они увидели площадь с большими зданиями.

– Ну вот, там и магазины будут, и люди подтянутся, – заявила Настя. – Идём туда?

– Идём, – поддержал её намерения Степан.

Солнце уже выглядывало из-за домов, обогревая мир, но так ни одного человека или машины они не встретили. Неестественная тишина висела над этим странным местом. Это начала признавать и Настя. Даже если сейчас около шести утра, всё равно кто-нибудь да появился бы на улице. В городе можно выглянуть в окно в любое время суток, и на дороге обязательно будет несколько машин и людей.

Потратив минут пятнадцать, они подошли к двухэтажному зданию из красного кирпича с гордой вывеской «Супермаркет “Снежинка”». Типичный такой магазин из глубинки. Вывески разных калибров, цветов и шрифтов информировали обо всех продуктах и услугах, предоставляемых супермаркетом.

– Я от колбаски с пивом не отказалась бы, – Настя уставилась в выцветший баннер с колясками копчёной колбасы. – Жаль, мы без денег.

– Заходи и бери всё, что вздумается, тут бесплатно, – предложил Степан.

– Так не бывает, за всё приходится платить. Даже если тебе кажется, что халява идет в руки, расплата всё равно наступит, но не в том виде, в котором ожидаешь. Вот мы с тобой, оказавшись здесь, расплачиваемся за свои дела.

– А если мы уже расплатились? – спросил Степан.

– В смысле?

– А что, если мы умерли? Это место очень похоже на то, которое мы заслужили в загробной жизни, очень большой колхоз без людей, света, без машин, но со свежими продуктами.

– Стёпа, хорош нагнетать. Мы живы, и место только на первый взгляд странное. А если бы мы умерли, то никогда бы не попали с тобой в один загробный мир. Мой бы выглядел как один большой торговый центр, где все магазины открыты и никого нет, и денег не надо, – заключила Настя.

– Не сильно отличается от этого места, – заметил Степан, забрался на крыльцо и открыл дверь в магазин.

Как ни странно, она тоже оказалась незапертой. Настю этот факт больше напугал, чем удивил. Он подтвердил слова Степана о странности этого посёлка, похожего на загробный мир.

– Но почему я и ты вместе? – удивилась она.

– Возможно, мы жили настолько не своей жизнью, что не дали себе шанса встретиться? – смеясь, спросил Степан.

– Сомневаюсь, – хмыкнула Настя.

Степан прошёл внутрь магазина. Здесь было сумрачно и пахло хлебом. Налево от лестницы, ведущей на второй этаж, находилась пекарня. Он дотронулся до хлеба, лежащего на витрине в деревянных лотках. Булки оказались тёплыми. Но никого из тех, кто мог их испечь, здесь не нашлось. Степан взял одну булку и убрал в пакетик. Настя взяла что-то из печёных сладостей и сразу откусила.

– М-м-м, какая вкуснятина, – произнесла она.

– Ты же сказала, что расплачиваться придётся? – напомнил ей Степан.

– Расплачусь жиром на заднице, – отмахнулась она. – Раз пошла такая пьянка...

Она взяла пакетик и накидала в него всё, что привлекло её гастрономическое внимание. Получилось прилично. Степан оценил, что он и за неделю не съедает столько печёностей. В другой стороне от пекарни находился мясной павильон с фермерской продукцией. Тут под стеклом охлаждающих витрин лежали свиные, говяжьи, индюшачьи «запчасти», фарш, сало разного посола пирамидками и, конечно же, колбаса, по-деревенски оформленная в коляски. У Насти разгорелись глаза.

– Ого, вот это праздник живота, – обрадовалась она и, забыв о своих страхах, полезла в витрину.

– Тебе и за неделю её не съесть, – заметил Степан, глядя, как Настя закидывает колбасу в пакет.

– Что не съем, понадкусываю, – отмахнулась она. – Если мы найдём здесь ещё и пиво, то это будет просто праздник.

– Короче, у тебя любое место, где есть пиво и колбаса, может считаться нормальным, несмотря ни на что?

– Ты занудный, Стёпа, как мой внутренний голос. – Настя прошла мимо него и потопала по лестнице на второй этаж.

Степан только сейчас понял, что у девушки на ногах мягкие домашние тапочки. Он поднялся следом. Здесь уже пахло бытовой химией. Как оказалось, этажом выше находился и пивной отдел, и магазин одежды, и небольшой отдел с бытовой химией. Одним словом, здесь можно купить всё что угодно для постоянных нужд. Настю понесло в пивной. Она открыла холодильник и вынула из него несколько банок.

– Холодненькое, – обрадовалась она.

Затем Настя прошла в отдел одежды и принялась рассматривать её. Делала она это бесцеремонно, если вещь ей не нравилась, бросала на пол и топталась на ней, хотя несколько минут назад боялась прикоснуться к неоплаченному. Дух мародёрства и халявы овладел ею. Степан смотрел на девушку со стороны, откусывал от коляски копчёной колбасы, заедал хле-

бом и запивал холодным лимонадом. Наконец Настя выбрала спортивный костюм. Скинула с себя ночную рубашку и, ничуть не стесняясь, переделалась. С домашними тапочками смотрелось странно. К счастью, здесь продавалась и обувь. Настя примерила белые кроссовки и осталась в них.

- Ну, тепер я не так возбуждаю твои пубертатные чувства? – смеясь, спросила она.
- Я же не зомби, ты меня и в ночной рубашке не возбуждала, – соврал Степан назло.
- Врун, – обиделась Настя. – Или... ты не по девочкам?
- Тьфу на тебя. Ну что, закончили мародёрить? – Он направился к лестнице.
- Слушай, давай пополам разделим, что я набрала, – предложила Настя.
- Давай.

Степан сорвал со стены пакет, предназначенный для упаковки одежды, и передал его Насте. Девушка поделила свои припасы.

- Тебе пиво надо? – спросила она.
- Нет.
- Ну, да, ты же ботаник, тебе алкоголь мамка не разрешает.
- Не ощущаю от него никакого удовольствия.
- Девочки не возбуждают, алкоголь не радует, вот ты и оказался тут в наказание, – посмеялась Настя.

- А ты тогда почему?
- Чтобы уравновесить твои достоинства своими недостатками.
- Ага, значит, ты признаешь, что не пить пиво – достоинство?
- Признаю, что это достойное занудство и могильная тоска.

С улицы донеслись голоса. Степан с Настей замерли, испугавшись, что их сейчас примут за воров.

– Вот я послушала тебя, дура, – Настя задёрнула молнией спортивной куртки. – Интересно, здесь есть чёрный выход?

- Наверняка есть. Товар обычно грузится с заднего входа.

Степан подошёл к окну, открывающему вид на площадь перед магазином. На улице он увидел трёх человек, рассеянно озирающихся по сторонам. Они совсем не походили на жителей посёлка, а больше напоминали их самих.

– Настя, они такие же, как и мы, растерянные, – сообщил он девушке. – Побудь тут пока, я выйду, поинтересуюсь.

- Постой, – она остановила его. – А вдруг они опасны?
- Нет, не опасны. Там женщины есть.

Степан сбежал по лестнице и выглянул из-за двери, не обнаруживая себя. Компания, две женщины, уже немолодые, и один мужчина, на вид ещё старше их, направлялись в сторону магазина. При этом активно озирались, выдавая неместное происхождение. Степан решил показаться им на глаза и вышел. Троица, увидев его, замерла, а потом одна из женщин кинулась в его сторону.

– Парень, ты местный? – громко спросила она на ходу. – Мы тут заблудились, а никого нет. Скажи, где мы есть и как отсюда выбраться? – она поднялась по ступенькам и схватилась за бок. – Уф, вот это пробежка.

– Нет, не местный. А вы тоже проснулись внезапно здесь? – спросил Степан, зная ответ заранее.

– Я вообще у подруги ночевала, а проснулась в чужом доме. Хоть убей, не пойму, как тут оказалась. Вышла на улицу, пошла куда глаза глядят, лишь бы людей встретить, нарвалась на этих двух. У них похожая история. Оба засыпали не здесь, а проснулись... Ты в курсе, что творится?

– К сожалению, нет. – Степан подошёл к дверям и крикнул внутрь магазина: – Настя, выходи.

Она вышла через минуту с двумя пакетами.

– Здравсти, – поздоровалась Настя со всеми подошедшими. – Добро пожаловать в бесплатный ад, – она покосилась на пакеты.

Мужчина с интересом посмотрел на Настю.

– Вы набрали это в магазине? – поинтересовался он. – Просто мы зашли в один ларёчек и тоже немного там позаимствовали. Он был открыт.

– Тут всё открыто, – поделился наблюдением Степан. – Дома, магазины. Всё свежее, хлеб ещё тёплый, пиво холодное, хотя электричества нет.

– Что вы думаете об этом месте? – спросила одна из женщин. – Мы умерли во сне и вознеслись в такое вот странное чистилище?

– Лично меня ударили по голове, – признался Степан. – И да, это место похоже на искусственный полигон для каких-то целей. Не знаю только, умер я или попал в человеческом теле. Разве душе требуется еда?

– Какая дичь, – мужчина сплюнул под ноги. – Это сон, кошмарный сон.

– Чем бы это ни было, мы всё равно узнаем о цели нашего попадания сюда, – решил Степан. – Давайте пока держаться вместе. Кстати, меня зовут Степаном, а это Настя.

– Я Анатолий, – представился мужчина. – Зам начальника банка.

– Ольга, – назвалась женщина, которая прибежала первой.

– Соня, – произнесла вторая.

– Значит, вы тут хорошо затарились? – заметил Анатолий.

– Да. Думаю, до вечера нашей компании этой еды хватит, – подтвердил Степан. – Можно найти какой-нибудь приличный дом и остановиться в нём.

– А если хозяева... – попыталась возразить Соня.

– Нет никаких хозяев, – отрезал Степан. – Может, ночью являются?

– Да ну тебя, – Настя ударила Степана по руке. – Вот ты создал мне фобию. Я теперь не усну.

– Это была шутка, – посмеялся Степан. – Ну что, идемте выбирать дом. Предлагаю остановиться в благоустроенном, с баней и бассейном.

– Согласен, – произнёс Анатолий. – А вы заметили, что здесь нет машин?

– Заметили, – согласилась Настя. – Это очень странно.

Компания миновала два квартала и в начале третьего присмотрела двухэтажный домик. Ворота, как и полагалось в этих местах, открыты. Люди смело вошли во двор и стали его обследовать. На задах стояла небольшая баня с полной поленицей дров. Бассейна не было, но имелась крышка от «Кировца», наполненная водой. Вполне себе народная альтернатива фурако. Гипотетические хозяева использовали ёмкость для полива и купания.

– Остаёмся, – озвучил вердикт после осмотра Анатолий.

Компания зашла в дом. Настя принялась резать колбасу и хлеб, остальные проверяли припасы. Нашли банку консервированных томатов, сыр, самодельный печёночный паштет. Выставили всё на стол и сели за него. Настя скрепя сердце поделилась пивом.

Едва они приступили к завтраку, как по земле прокатилась волна, похожая на сейсмическую. Задрожали окна, распахнулась входная дверь, в шкафах задребезжала посуда, завибрировали стулья. А спустя несколько минут донесся далекий гром. Степан выбежал на улицу и полез на крышу узнать причину.

Глава 2

Когда-то мир был несерьёзным, и родившийся в нем новый человек знал, что жизнь вокруг него просто придумана, и здесь она такая, а там может быть другой, и он принимал её в любых проявлениях. Мир мог трансформироваться в любые причудливые формы, иметь разные правила, но человек знал, что такое возможно, и с удовольствием втягивался в несерьёзную игру познания мира. Но однажды мы согласились, что всё происходящее с нами всерьёз. Сразу после этого изменилось всё. Свобода восприятия спряталась за жёсткими правилами существования мира. Появился страх поступить не так, как нужно, хотя в несерьёзном мире вообще не было понятия «как нужно» и «как не нужно». Серьёзный мир стал чужим, и мы, чтобы скорее миновать его, решили, что спокойнее всего будет пробежать его от начала и до конца.

Степан взобрался на конёк крыши, прикрыл глаза ладонью и посмотрел по сторонам.

– Ну, что видишь? – нетерпеливо поинтересовался Анатолий, выбежавший следом.

Степан хотел ему ответить, но не знал, с чего начать. Его самые смелые представления об этом мире подтверждались. С высоты крыши было отчетливо видно, что горизонт находится неестественно далеко, просто растворяется в дымке за границей возможностей его зрения. И так во все стороны, будто они очутились на плоской Земле. Посёлок, как оказалось, не бесконечен. Он лежал на поверхности огромным квадратом пёстрого лоскутного одеяла из разноцветных крыш и зелёных деревьев, расчерченных ровными линиями улиц. За посёлком зеленели поля, синели тонкие полосы рек и чаши озёр. Но они находились так неестественно далеко, что могли оказаться обычным миражом нагретого воздуха. Причин или последствий землетрясения, ради которых забрался на крышу, Степан так и не увидел.

– Поднимайся сюда, – пригласил он Анатолия, чтобы не объяснять увиденное.

Анатолий, крича, забрался на крышу. Он так неловко лез, что Степану пришлось помочь ему.

– С детства высоты боюсь, – признался мужчина. – Да и форму уже давно потерял.

Он уселся на конёк, свесив ноги по обе стороны крыши. Посмотрел по сторонам и, впечатлённый увиденным, замер.

– Похоже на кошмарный сон? – поинтересовался Степан.

– На бред похоже.

Они просидели наверху около получаса, пытаясь понять, куда их занесло. Из дома вышли обеспокоенные их отсутствием женщины. Дом вдруг снова мелко затрясся. Степан осмотрел все стороны, но не увидел ничего подозрительного. Ему и так стало понятно, что если это настоящее землетрясение, то ничего не увидишь. Напуганный Анатолий панически кинулся с крыши, потерял опору, упал и покатился вниз. Степан бросился ему помогать, но не успел и чуть сам не навернулся. Мужчина шмякнулся со второго этажа под женские крики.

Ольга и Соня бросились ему на помощь. Настя, наоборот, побежала домой и к тому времени, когда Степан уже спускался с лестницы, выбежала с аптечкой.

– Кажется, я сломал ногу! – вопил Анатолий, катаясь от боли по траве.

Настя сняла с него обувь под его возмущённые крики и осмотрела ногу.

– Хруст был? – уточнила она.

– Какой хруст? – чуть не плача, переспросил пострадавший. – Я весь хрустнул, когда о землю ударился.

– Перелом кости обычно слышно.

– Ничего я не слышал. Как больно! – он засучил ногами, как жук, перевернувшийся на спину.

Настя вынула из аптечки гипотермический пакет и активировала его, раздавив в руках.

– Степан, поддержи ему больную ногу, я приложу и примотаю пакет, – попросила она.

Степан охотно кинулся помогать.

– Куда вы? Зачем? Ой-о-ой, больно! – Анатолий попытался помешать, но Степан мёртвой хваткой вцепился в его ногу.

Настя профессионально приложила и примотала пакет.

– Через час снимем и сделаем тугую повязку. Нет у вас никакого перелома, только растяжение связок. Через неделю и думать забудете.

– Это точно? – переспросил страдальческим голосом мужчина.

– Абсолютно. Полежите здесь, пока не наложу повязку.

Прошло ещё примерно около получаса, и снова трянуло, будто бы даже сильнее. Яблони в саду затрясли листвой и уронили яблоки.

– В доме находиться опасно, – решил Степан. – Я пойду вынесу все продукты, пока их не привалило.

– А в баню-то можно? – спросила Ольга. – Она маленькая, не завалится.

Степан посмотрел на строение, хотя понятия не имел, как определить, какой уровень землетрясения оно выдержит.

– Я не знаю, на свой страх и риск, – отвертелся он от принятия решения.

– Была не была, затоплю, а то вдруг в рай немтыми не принимают, – заявила Соня.

– В аптечке таблетки обезболивающие есть? – умирающим голосом спросил Анатолий.

Настя поискала, перевернув несколько раз лекарства.

– Только аспирин.

– Это не поможет, тем более от него у меня понос. В моём положении страдать обоими недугами сразу не хочется. Я видел, в холодильнике стояла бутылка водки.

– Я принесу, – пообещал Степан и убежал в дом.

В то время, когда он ступил на крыльцо, донеслись раскаты грома. Они очень странно совпадали с землетрясениями, запаздывая на одно и то же время, наводя на мысли, что гром – это ударная волна. Выходило, что причиной землетрясения являлись какие-то взрывы. Степан решил оставить размышления при себе. Забежал в дом не разуваясь, вынул из холодильника бутылку водки, прихватил продукты и, когда выходил, увидел на улице ещё нескольких человек. По их реакции на окружающее он понял, что они такие же случайные люди, попавшие сюда по непонятной прихоти судьбы.

– На улице люди, – сообщил он Насте.

– Местные?

Степан отрицательно покачал головой.

– Пусть идут дальше. Нам что, всех тащить в свою компанию? – решительно заявила Настя. – Тут домов всем хватит.

Анатолий взял бутылку и сделал три приличных глотка прямо из горлышка.

– А если они что-то знают? – спросил он. – Хотелось бы определенности.

– На вид такие же бедолаги, как и мы. Ладно, пойду узнаю, будет обидно, если мы сознательно проигнорируем важную информацию. – Степан направился к воротам.

– Осторожнее! – крикнула в спину Настя.

– Хорошо, – пообещал он.

На всякий случай поднял с клумбы заострённый совок для пересадки рассады и сунул за спину. Как только Степан показался из ворот, народ тут же ринулся к нему, немного испугав своей напористостью. Их было семеро.

– Вы местный? Скажите, где мы? Как выбраться из этого посёлка? Где все машины? Почему так трясёт? – затараторили люди.

– Нет, я не местный, – признался Степан. – Сам оказался здесь этой ночью. Ничего пока не знаю, кроме того, что все дома и магазины открыты. Можно заходить в любой и брать что угодно, но из-за землетрясения в них лучше не задерживаться.

– Да какое это землетрясение, – произнёс усатый мужчина, похожий на узбека. – Это как тряска от проехавшего мимо дома трактора. Ничего не будет. Где здесь вокзал?

– Я не знаю. Не уверен, что он здесь есть.

– Так не бывает, чтобы такой огромный посёлок и без вокзала, – возмутился узбек. – Откуда позвонить можно?

– Без понятия. Я же говорю, сам тут недавно.

– Э-эх, ну и люди пошли, ничего не знают. – Узбек отделился от компании и пошёл один.

Степан увидел, что на улице появились ещё несколько человек. Он насчитал пятнадцать в обе стороны. И все они спешили сюда, увидев, что здесь стала собираться компания.

– Вы это, займите любой свободный двор, – предложил он компании. – У нас уже полно народу, мест свободных нет.

– Послушай, парень, но вокруг творится что-то неладное, – заявил пожилой мужчина в майке, заправленной в брюки. – У меня такое ощущение, что мы попали под карантин. Местных вывезли, а нас завезли, как подопытных кроликов. Усыпили, не как собак, конечно, не летально, и завезли сюда. Вирус на нас проверить или радиацию.

– Как-то радикально, – не согласился Степан. – У меня нет ответа и особого желания разбираться в этом. Я пошёл.

Он хлопнул калиткой и закрыл за собой на засов. С улицы донеслись возмущённые голоса. Люди были раздосадованы, что им не дали ответ, не успокоили и не назвали конкретные сроки, когда всё закончится. Степан и сам желал знать, когда этот мир свернётся воронкой, исчезнет в его воображении и вывернется с другой стороны реальности привычной картинкой знакомого мира. Пусть и на больничной койке, с сотрясением мозга, но только там, где он ко всему привык.

Степан вернулся в сад. Пьяный зам начальника банка уже сопел, лёжа в тени на земле прямо в дорогом костюме. Больная нога с повязкой и задранной до колена штаниной покоилась на заботливо подставленном пенёчке. Рядом лежала пустая бутылка водки. Соня и Ольга сидели у бани. Из трубы с хорошей тягой поднимался дым. Настя сидела на клубничной грядке на коленках, заглядывая под кусты.

– Что узнал? – спросила она.

– Ничего. Они сами хотят, чтобы им рассказали, что здесь происходит. Народу постепенно прибавляется. Тут семеро и по улице пятнадцать. Наверняка и на других улицах тоже люди есть. Учитывая размеры посёлка, можно предположить, что счёт может идти на тысячи таких несчастных, как мы, – поделился Степан.

– Ой, несчастный, иди сюда, клубничкой угощу, – Настя показала пригоршню красных ягод.

Степан подошёл. Она пересыпала ему в руки лакомство.

– Спасибо, – поблагодарил Степан.

– Как говорят мои многочисленные ухажёры, в спасибо не засунешь, – выдала Настя скабрзную шутку и вульгарно рассмеялась.

Степан даже покраснел от такой неожиданно похабной шутки.

– Да ладно, расслабься, – махнула Настя рукой.

Соня и Ольга зашушукались меж собой, явно перемывая Насте косточки. Её они не приняли в свою компанию, сразу разглядев стервозную сущность. Насте вообще с такой внешностью и характером на подруг не должно было везти. С её умением использовать мужчин ни одна подруга не чувствовала бы себя спокойной. Соня и Ольга подсознательно ощутили это и заняли прохладно-нейтральную позицию, хотя им и некого делить.

– Пойду сниму пакет с ноги Толика, – Настя закинула несколько ягод в рот и направилась к больному.

– Ты так ловко наложила повязку. Ты медик? – поинтересовался Степан, увязавшись следом.

– Медик. Я окончила колледж и работала в скорой, пока не поняла, что такой заработок меня не устраивает.

– А тебе бы пошел белый халат и стетоскоп на шее.

– Ох, уже стереотипные мужские эротические фантазии.

– Это не эротическая фантазия. Я представил тебя в кабинете, осматривающей пациентов.

– Ха-ха, или ты знатный врун, Степан, или я ничего не понимаю в мужчинах. – Настя присела возле ноги храпящего Анатолия.

– Мне кажется, мы с тобой представители параллельных миров, которые в реальной жизни никогда не соприкасаются. Я точно не представлял для тебя интереса, а ты бы мне казалась нарциссичной дурой, помешанной на деньгах.

– Вот спасибо за дуру. – Настя размотала повязку и выбросила нагревшийся пакет.

На ноге мужчины появилось незначительное посинение и припухлость, но это точно не походило на перелом. Настя взяла эластичный бинт и принялась заматывать ступню и лодыжку. Анатолий пытался возмущаться сквозь сон, но не активно. Кажется, он прилично перебрал.

– Готово, – Настя осмотрела повязку. – Тень уходит, как бы не обгорел под солнцем. Давай отнесём его в беседку.

– Давай. Я бы ему ещё и стакан воды рядом поставил.

Степан подхватил мужчину под руки, а Настя под колени, и они понесли его нелёгкое расслабленное тело в сторону деревянной беседки, прикрытой москитной сеткой со всех сторон. Анатолий что-то бубнил, тяжело дышал и пытался возмущаться. Степан чуть не упал, споткнувшись о плитку, которой была выложена дорожка перед беседкой.

– Хватит с него травмы ноги, – посмеялась Настя. – Сразу видно, мужик геморройный, к нему все проблемы цепляться будут.

Уложили его на пол, под круглый стол, надёжно закрыв от солнца, а больную ногу устроили на ножки перевернутого табурета. Удивительно, но в этом странном мире не было насекомых. Для спокойного сна Анатолия это большой плюс. Степан вышел из беседки и долго смотрел по сторонам.

– Что? – спросила Настя.

– Птиц тоже нет, – задумчиво произнёс он. – А если нет насекомых и птиц, то, стало быть, этот мир создан ненадолго.

– Не фантазируй. – Настя не любила объяснений, глубину которых не понимала.

– А как же размышлять, если не фантазировать? Всё рождается из фантазии. Смотри, мы очутились внутри привычного нам места, как бы созданного людьми. И кроме людей здесь никого нет: ни кошек, ни собак, ни насекомых, ни птиц.

– Трава, деревья, кусты? – парировала Настя. – Они ведь живые.

– Да, но без опыления насекомыми многие из них не смогут дать потомства. Вместе с отсутствием электричества, воды, машин и прочего транспорта я делаю вывод, что окружающий нас мир временная декорация.

– Чья декорация?

– Откуда я могу знать? – Степан пожал плечами.

– Вот вас, ботанов, мёдом не корми, дай волю посочинять.

Настя чуть не упала от очередного сотрясения земли. Заборы из профлиста загуляли волнами, захлопали калитки, зашумели деревья. Вода выплеснулась из крыши. Травмированная нога Анатолия соскочила с табуретки. Настя боязливо уставилась на Степана, словно

это он напроорочил очередную волну землетрясения. Из бани с криком выбежали Ольга и Соня, прикрыв наготу скомканной одеждой.

– Чтобы больше не болтал, – испуганно пригрозила Степану Настя.

– Если бы всё, что с нами происходит, зависело от того, что я говорю, то мы бы уже давно оказались дома. – Степан вернулся в беседку и поправил Анатолию ногу.

Соня и Ольга растерянно стояли под дверями бани, не решаясь войти внутрь, отсвечивая на солнце белыми целлюлитными задницами.

– Между толчками проходит минут тридцать, – успокоил их Степан. – У вас осталось двадцать девять.

Женщины, вняв ему и сразу застеснявшись, скрылись. Через две минуты пришла звуковая волна. На этот раз она показалась более продолжительной и громкой. Степан не стал никому рассказывать о том, что при землетрясениях не должно быть подобного. Сопоставляя силу толчков и силу ударной волны, он предположил, что подобный эффект могли иметь подземные взрывы приличных ядерных зарядов.

– Я просто хочу спросить, Степан, ничего не утверждаю, если это землетрясение приближается, значит, оно подталкивает нас к принятию какого-то решения? Если это ненастоящий мир, а мы тут с какой-то целью, значит, надо что-то думать? – Настя расстегнула спортивную куртку и помахала лапами, чтобы проветрить вспотевшее от страха тело. Под курткой ничего не было. – Вообще от него можно погибнуть, если не сидеть в доме?

– Я не специалист по землетрясениям, но, думаю, погибнуть можно в том случае, если попадёшь в разлом коры, но это должно быть очень мощное землетрясение. А я пока не уверен, что трясучка – это результат землетрясения.

– А что тогда? – Насте не понравилось, что мысль, которую она с трудом приняла, успела устареть.

– Не знаю. Надо наблюдать, ждать подсказки.

– Блин, как меня напрягает такая неопределенность! – Настя в сердцах пнула пустое пластиковое ведро.

– А ты куда убрала еду? – поинтересовался Степан.

– Что? Ты можешь думать о еде? – удивилась девушка.

– А что такого? Пока не вижу причин для паники. Ну, трянуло и трянуло, нам же ничего не грозит.

– Я завязала пакет и сунула его в воду, чтобы колбаса не испортилась на солнце, – ответила она.

– Ого, ты сообразительная.

– Спасибо. Обычно девушкам в таком случае говорят «хозяйственная», – поправила его Настя.

– Я именно это и хотел сказать. Да, сообразительная звучит так, будто я до этого считал тебя несообразительной, – Степан смутился.

– Ну, ведь считал. Я же видела твою снисходительную реакцию на некоторые мои рассуждения, – Настя усмехнулась. – В свою очередь скажу, что тоже приняла тебя за лоха, с которым придется нянчиться, но теперь, спустя каких-то три-четыре часа, вижу, что ты тоже парень сообразительный и не такой уж беспомощный.

– Не удивлен. Обычно я произвожу именно такое первое впечатление на людей, а так как времени его изменить не бывает, то оно остаётся у них навсегда. В какой-то степени отношение людей и сделало меня таким. Я же сам поверил, что лох. – Степан подошел к «кировскому» колесу и вытянул за верёвку утопленный пакет. В нём собралась вода. – А в два пакета было бы надежнее.

– Как говорят мои ухажёры, один презерватив хорошо, а два надёжнее, – Настя снова вульгарно рассмеялась.

Похоже, ей нравились шутки ниже пояса. Степан никак не отреагировал. Слил воду и вытащил колбасу. Хлеб спасти уже невозможно, он размок в кашу. Откусил колбасу, как свежий огурец, и принялся сосредоточенно жевать. Настя снова полезла в клубнику. Из бани вышли женщины, распарившиеся докрасна.

– С лёгким паром, – поздравил их Степан.

– Спасибо. Идите скорее, пока снова не трянуло, – предложила Ольга. – Там в стене щель появилась.

– Вы вместе пойдёте или порознь? – поинтересовалась Соня.

– А вам-то что? – спросила с вызовом Настя.

– А то, что если мы тут за грехи оказались, то не стоит их множить перед самыми воротами небесного суда. – Соня еле сдержалась, чтобы не повысить голос.

– Наши грехи на вас никак не отразятся, – парировала Настя. – Нет ничего грешного помыться вместе. А вот спина чище будет.

– Ага, а то вы удержитесь, – усмехнулась Соня. – Причём в тебе я сомневаюсь больше, чем в Степане.

– Девчата, хватит, – успокоил их Степан. – Мы отдельно помоемся.

– А что ты их слушаешь? – рассердилась на него Настя. – Эти старые кикиморы завидуют нам. Мне в первую очередь. Пошли вместе, хочу, чтобы ты потёр мне спину. – Для неё эта ситуация стала принципиальной.

– Дуры вы, девчата. – Степан отвернулся и продолжил грызть колбасу.

Конечно, нагота Насти волновала его. Природные данные, плюс понимание мужской психологии позволяли ей не напрягаясь цеплять мужчин на крючок собственной сексуальной притягательности. Но именно это и раздражало Степана. Он не любил в собственной супруге такого и считал, что, поддаваясь примитивному чувству, опускается до уровня животного.

– Я пошла, – многозначительным тоном произнесла Настя ему в спину.

– Давай. Я после тебя. – Степан не обернулся.

Ему стоило больших усилий отказаться, особенно в условиях существующей неопределённости, когда каждый час жизни мог оказаться последним. А вдруг Соня права и новый грех станет тем грузиком, который повлияет на посмертное распределение? По жизни он не так уж и грешен, чтобы однозначно бояться ада. Возможно, в этом странном пугающем месте существовал и третий вид поощрения – возвращение в собственное тело.

Степан проводил взглядом Настю до бани. Она у дверей тоже посмотрела на него и, покачав головой, исчезла за дверью.

– Привыкла помыкать мужиками, – произнесла Соня. – Будь с ней начеку, она однодневка, – предупредила она Степана.

– Спасибо за совет, – поблагодарил он.

Из-за ворот с улицы донесся крик. Степан решил узнать, в чём дело, не показывая себя. Это можно было сделать, спрятавшись в густом кусте сирени, перекинувшем ветки через забор. Он пригнулся под дерево, подлез под ветки и выглянул. На улице недалеко от дома находились четверо мужчин. Один из них лежал на асфальте, другой, вооружённый ножом, кидался на двух, пытавшихся его обезоружить.

Степану стало страшно. Сразу же вспомнилась ситуация, случившаяся накануне. Он панически боялся драк, особенно зная заранее, что шансы на успех невелики. Ему хотелось помочь обезоружить вооружённого ножом мужчину, но как это сделать, не попав в переделку, он не знал. Чтобы успокоить собственную совесть, он стал болеть за его оппонентов. Вооружённый будто был пьян. Кричал какой-то бред в приступе алкогольного гнева, обещал убить.

Один из мужчин кинулся в его сторону, но буйный успел полоснуть его по руке. Раненый зажал рану ладонью и фактически вышел из боя. Поверив в собственные силы, вооружённый мужчина бросился на единственного соперника, но тот не стал подставляться, ударил ему

ногой в живот. Вооружённый скорчился, видимо, из-за сбившегося от удара дыхания. Мужчина использовал этот момент, ударил ещё раз ногой в лицо. Соперник упал как подкошенный.

Степан понял, что теперь есть шанс проявить героизм. Вернулся к Анатолию, разбил бутылку, чтобы получилась «розочка», и направился к участникам драки.

– Привет, мужики, что стряслось? – спросил он, будто не видел драки.

– Да тут сам чёрт не разберет, что стряслось, – ответил мужчина с порезанной рукой, дыхнув тяжёлым перегаром. – По ходу упился халявным алкоголем и забуянил. Мы в соседнем доме с ними находились, вышли во двор поговорить, а ему вдруг что-то привиделось, схватил нож и за нами. Андрея в живот пырнул два раза. Мне вон руку поранил. На хрена так пить? – Мужчина облизал сухим языком губы и страдальчески произнес: – Пивка бы, во рту пересохло.

– Там магазин через два квартала. В нём было пиво, – подсказал Андрей.

– Нет, там уже нет его. Мы к самому концу успели.

– Серьёзно? – удивился Степан. – Утром был полный холодильник.

– А что холодильник, когда сотня человек через него прошла. Вы что, успели набрать?

– Да мы всего пять банок взяли. Выпили ещё утром, – Степан развел руками.

– А горлышко-то не пивное, – заметил раненый «розочку» в его руках.

– Водка в доме была.

К ним подошёл мужчина, одолевший буйного. Посмотрел на Степана и спросил:

– Верёвки нет, связать алкаша, пока ещё кого-нибудь не порезал?

– Я не знаю, не обращал внимания. Наверное, бельевая есть во дворе, – предположил Степан.

– Неси. И ещё: нет у вас человека, который заштопал бы моих друзей?

– Прямо доктора нет, но есть девушка, работавшая в скорой.

– Давай её тоже.

– Она сейчас в бане, – пояснил Степан.

– О, ну это просто двойной подарок. Тем более пусть идет к нам. После драки надо выплеснуть избытки адреналина.

Степану стало не по себе от того, что он по глупости свалил на Настю ненужные проблемы. Как выйти из ситуации, он никак не мог придумать. Не нравилась ему эта публика. Было в них что-то слишком отталкивающее, неприятное. Про них можно подумать, что они криминальные люди низкого ранга, либо сидевшие, либо простые великовозрастные бездельники, коих в каждой городской многоэтажке по несколько штук.

– Ладно, я пошёл. Если она согласится, то мы вам поможем, – произнёс Степан.

– Эй, парниша, не налей, нам нужна помощь доктора! – крикнул ему вслед мужчина.

– Она не доктор. – Степан прибавил шаг.

Он испугался, что тот кинется драться, а ему нечем ответить.

– Ты подумай, парниша. Неизвестно, как долго мы тут задержимся, и лучше нам всем дружить. – Его предупреждение звучало как угроза.

Степан почувствовал, что реальность складывается в совершенно другую картину, чем утром. Он представил, как населённый сбродом посёлок разобьётся на банды, они начнут бороться за территорию влияния. А такие люди, как эти пьяные драчуны, наверняка попытаются верховодить и припомнят ему эту дерзость. Надо срочно менять место жительства.

Вдруг земля снова затряслась, заходили заборы, задрезжали стёкла, затанцевали электрические опоры. Степан перешёл на бег, с трудом удерживая равновесие на уходящей из-под ног земле. Забежал во двор, захлопнул калитку и закрыл на защёлку. Тряска прекратилась. В доме, в ближнем к углу окне, лопнуло стекло. Яблок под деревьями стало ещё больше.

– Что там было? – спросила Ольга из-под куста сирени.

– Да какие-то мутные мужики порезали друг друга по пьяни. Я сдуру не разобрался, решил им помочь, проболтался, что у нас есть врач, а они теперь настаивают, чтобы она заштопала их и потом развеселила.

Ольга посмеялась.

– А что, твоя Настя просто создана для этого – улаживать мужчин.

– Прекратите. Нормальная она.

– Тебе виднее, конечно, ты её знаешь на один час дольше, – хмыкнула Ольга.

– Надо уходить отсюда. Они слишком неприятные люди и наверняка не оставят нас в покое.

Пришла ударная волна. В этот раз ещё громче и продолжительнее. Степан поспешил за дом, к бане, чтобы узнать, не завалилось ли строение после тряски. Настя уже стояла на улице и сушила волосы полотенцем.

– С лёгким паром.

– Спасибо, – нейтрально ответила Настя, давая понять, что обижена.

– Послушай, на улице случилась драка, какие-то криминальные люди порезали друг друга. Я не сразу разобрался и рассказал им, что у нас есть врач и она девушка. Они так обрадовались, что ты можешь их зашить и развеселить, и мне сразу стало ясно, что я тебя подставил. Нам надо уходить отсюда.

Настя задумалась.

– Если мы здесь надолго, то нам всё равно придется прибиваться к кому-нибудь сильному, и скорее всего, это будут не самые лучшие люди. Давай я попытаюсь им помочь. Пойдёшь со мной? Или как с баней получится? – Она посмотрела на Степана с вызовом.

– Ты что равняешь? Я нормальный мужик, не звездострадалец какой-то. Вы тут по-бабски поссорились, а я должен был занять чью-то сторону? Мысленно я на твоей, но внешне выгоднее сохранить нейтралитет.

– Ах, какой ты выгодный парень, – усмехнулась Настя.

– А ты нет?

– Я-то девочка, у меня судьба такая. Так ты идешь, выгодополучатель?

– Они опасные и пьяные. Хрен знает, что у них на уме.

– Я пойду без тебя, только нож в штанину спрячу на всякий случай, – решительно заявила Настя.

– Ладно, иду. Как думаешь, если я возьму топор, это охладит их намерения? – Степан вырвал из пня возле бани топор.

– Знаешь, между заявлениями мужчин и их истинными намерениями целая пропасть. Кто только ни грозился меня изнасиловать, но так никто ни разу не исполнил своих угроз. Возьми на всякий случай.

Степан перекинул топор из руки в руку, повертел, ощущая его вес и баланс.

– Там были правоохранительные органы и закон, потому и не исполнили, а тут, по ходу, каждый сам за себя, – оценил Степан разницу в ситуациях.

– Да, это существенное отличие, – согласилась Настя.

Они дошли до дома. Настя сходила за кухонным ножом и спрятала его в штанину, уперев лезвием в кроссовку. Заодно прихватила санитайзер и полотенце. Под насмешливыми взглядами Ольги и Сони они вышли на улицу. Буйный лежал с разбитым лицом на асфальте, не подавая признаков жизни. Двое пытались поднять раненого в живот товарища.

– О, вот и докторша Айболит подросла, – усмехнулся самый здоровый. – А то твой знакомый решил, что клятва Гиппократова на нас не распространяется.

– Напротив, это он предложил мне помочь вам, – соврала Настя. – С кого начнем?

– С Андрюхи, он тяжелый.

Настя обработала санитайзером руки, задрала майку раненому, чтобы рассмотреть и обработать раны. Придавила слегка живот. Из двух ран вытекла темная кровь.

– Печень задета. Если там не рассечены сосуды и желчный пузырь, то можно надеяться, что рана когда-нибудь сама заживёт, если человек сильный, но сдаётся мне, сосуды задеты. Я могу только предложить охладить область ранения и перебинтовать. Вам нужен настоящий доктор, а не я.

– Бинтуй. Помрёт – закопаем и крест поставим, – согласился мужчина. – А с рукой Валерке поможешь.

– Да резаная рана, ничего страшно. Я зашью её обычной иглой и нитками, а вы будете регулярно обрабатывать рану, чтобы не гноилась, – произнесла Настя.

– А нельзя просто замотать, чтобы само срослось? – поинтересовался раненый мужчина.

– Можно, но это займёт больше времени и может остаться огромный некрасивый шрам.

– Да похрен. Забинтуй – и дело с концом.

– Как скажете.

Настя вынула из аптечки бинт и тампон. Обработала вокруг раны санитайзером. Часть его попала на рану, вызвав истошные вопли мужика.

– А ты хотела его штопать, – усмехнулся его товарищ.

Настя приложила тампон к ране и принялась ловко мотать бинт. Через минуту она закончила, разорвала его конец вдоль на две части и сделала узел.

– Готово. – Настя посмотрела на неподвижно лежащего мужчину с разбитым лицом. – А ему ещё можно помочь?

– Нет, нельзя, – хмыкнул тот, кого Степан признал главным в этой шайке.

– Андрея переносите, только на твёрдой поверхности, – посоветовала Настя. – Если в доме есть лёд, уберите в пакет и приложите к ране, это остановит кровотечение.

– Сделаем, докторица Айболит. Парниша, а ты не поможешь мне дверь срубить своим топориком на носилки, а потом и Андрея перенести, а то Валерка сделался одноруким? – попросил главный.

Степану совсем не хотелось этого, и он заметался, не зная, как поступить.

– Нет, нам некогда. У нас тоже раненый и народу полно, своих дел по горло. Извините, – нашла выход Настя. – Приходите на перевязку со своими бинтами.

– Ну, как знаете, соседи, до встречи. – В голосе главного прозвучал лёгкий намёк на угрозу.

– Давайте, пока. – Степан помахал топором на прощание.

Как только они с Настей скрылись за воротами, он обратился к ней с вопросом.

– А что, эти мужики не показались тебе теми людьми, которых стоит держаться?

– Нет, это же алкаши какие-то. Вообще не наш уровень. Уж поверь, я кое-что в людях, способных на серьёзные поступки, понимаю. Это шелупонь, клянчащая деньги по утрам на опохмелку. Они нам ничего не сделают, если увидят, что мы их не боимся.

– Поэтому ты соврала про полно народа?

– Да. Хорошо бы огнестрелом разжиться, чтобы не устраивать рыцарские поединки. Может, прошвырнёмся по соседним домам, пока там никто не заселился? – предложила она.

– Давай. Хорошая идея, – с готовностью согласился Степан. – Только женщин предупредим, чтобы они были готовы, если сюда вломятся хулиганы.

– Не вломятся, – убедительно произнесла Настя. – К тому же я не хочу находиться в компании этих индюшек. Найдём нормальное жильё, в нём и останемся, сюда не вернемся.

– А как же Анатолий?

– А что Анатолий? У него руки, ноги на месте, пусть сам думает. Дамы, я считаю, останутся при нём. Какой-никакой, а мужик, зам начальника банка. Сумел карьеру себе выстроить, сможет и тут прижиться. А нам на хрен такая высокомерная обуза не нужна.

– Ладно, пошли, – согласился Степан. – Задами выйдем?

– Да. А ты в баню не пойдешь, что ли?

– Воняю? – Степан оттопырил футболку и понюхал.

– Пока не чувствую, но пора бы. Вдруг мы на самом деле перед воротами небесного суда, а туда немых не пускают.

– Ладно, сначала баня. Надеюсь, она выдержит ещё одну тряску.

Анатолий проснулся и сидел на скамейке, положив ногу на стол. Ольга и Соня сидели рядом с ним, обедали.

– Как нога? – поинтересовался Степан.

– Это не самое худшее, что я ощущаю. Ик, – зам начальника икнул. – Как обстановка?

– Народу прибавляется, – сообщила Настя. – Уже разборки начинают по пьяной лавочке.

– Дебилы, – Анатолий снова кивнул. – А пивка не осталось?

– Нет, – ответил Степан.

– Ох, жаль.

Настя присела на раскладной стульчик возле поленицы, а Степан взял несколько чурбаков и зашел в баню. Подкинул их в печь, чтобы добавить жара. Он заметил, что в предбаннике, обшитом досками, произошло смещение, отчего зазоры между ними сильно варьировали. Сухое дерево в печи дружно занялось огнем. В щелях колосников послышался шум хорошей тяги. Степан разделся и вошёл в баню. Здесь было жарко. Термометр на стене показывал около восьмидесяти градусов. Он взял ковш и плеснул на камни. Сухой пар окутал тело, от него кожа покрылась мурашками.

Жар расслаблял не только тело, но и ум. Степан вытянулся на верхней полке. Проблемы ушли на второй план, осталась только тишина, нарушаемая щелчками нагревающихся камней, шуршанием пламени внутри печи и гулом тяги. Терпения Степану хватило минут на пять. Начали гореть ноги от близости к печи, кончики ушей и крылья носа. Едкий пот со лба, попадая в глаза, разъедал слизистую, словно был шампунем. Температура в бане быстро приблизилась к сотне градусов.

Он слез, сел на нижнюю ступеньку и стал мыться. Потёрся, помыл голову, сполоснулся. Теперь ему хотелось как можно скорее покинуть этот филиал ада. Он выскочил из бани, громко прихлопнул дверь коленом и сел на деревянную скамью. Осмотрелся. На верёвке висело полотенце, на вид не использованное. Степан снял его и накрылся с головой, чтобы оно впитывало пот.

Неожиданно открылась дверь и в проёме показалась хитрющая мордаха Насти.

– Помылся? – спросила она.

– А что, не видно?

– Я зайду? – уточнила она.

– Ну заходи, – неуверенно позволил Степан.

Сейчас ему не хотелось никакой романтики. Сердце громко билось от нагрузки, и любое физическое усилие могло закончиться чем-нибудь неприятным. Настя вошла, подошла к столу и подцепила кончиком кроссовки коврик на полу. Под ним находилась деревянная крышка, выполненная заодно с полом. Настя взяла нож, поддела её и подняла. Взгляду Степана открылся тёмный лаз в подпол.

– Там компоты всякие, – сообщила Настя, сверкая глазами.

Она спустилась по короткой лестнице и вынула две полторалитровые банки. В одной абрикосовый компот, в другой из ранеток. У Степана потекли слюни. Ему сейчас хотелось именно чего-нибудь такого, холодного, кисло-сладкого. Настя прорезала дырки в крышках банок, нашла кружки и налила себе и Степану.

– А ты почему сразу не сказала? – удивился он.

– Знаешь, а вдруг мы тут надолго и нас застигнет голод. Подумала, что вернусь сюда, спрячусь и буду в одну харю аннулировать припасы, пока остальные едят друг друга.

– А потом передумала?

– Да. Пока тебя ждала, подумала, а на хрена я буду тут выживать? Ради чего? Цели у нас никакой нету. Уж лучше поскорее отмучиться.

Степан сделал большой глоток и блаженно закрыл глаза.

– А может, цель ещё появится?

– Как появится, так и думать будем.

Неожиданно Степан почувствовал, как к его губам прикоснулись губы Насти. Он чуть не дёрнулся от неожиданности. Ответил ей непродолжительной взаимностью. Её губы были сладкими от компота. Настя залезла руками под полотенце.

– У меня ещё голова кружится после бани, – признался Степан. – Мы с женой однажды в горячей ванне решили заняться любовью, так я чуть кони не двинул. Сердце сдавило.

– Да? – Настя разочарованно присела рядом. – Ох уж эти осторожные женатики. Не поверишь, но ты для меня самый крепкий орешек. Мне ни разу не приходилось так долго уламывать.

– Так мы с тобой полдня знакомы.

– Я по количеству сделанных намёков и намерений считаю. – Настя отхлебнула компот.

– У тебя что, разыграл спортивный интерес? Не я тебе понравился, а ты просто хочешь очередную победу?

– Да, а что такого? – удивилась Настя.

– Обычно этим занимаются бабники. У них там списки с победами, с датами, именами женщин, как кубки на шкафу у спортсмена. Я-то что за приз? Ни рожи ни кожи.

– Нормальная у тебя внешность, но меня твоя выдержка возбуждает, а не лицо или фигура. – Настя посмотрела на Степана, как кот смотрит на кусок свежего мяса.

Это его проняло. Он почувствовал, как организм начинает отзываться на мысли о близости. Степан залпом допил компот и посмотрел на Насте в глаза. Она всё поняла, придвинулась ближе и позволила ему расстегнуть молнию на спортивной куртке. Полные груди вывалились ему в руки. Степан придавил их, помял и нежно притронулся губами к набухшим соскам. Настя застонала от удовольствия.

Дальше их соитие происходило как во сне. Даже когда баню сотрясла очередная волна землетрясения, они не почувствовали и не услышали её. У них работали только инстинкты. Пика блаженства вначале достигла Настя, потом Степан. Они откинулись на спинку скамьи и долго пытались отдышаться.

– Ну вот, а ты сопротивлялся, – усмехнулась Настя.

– Цену набивал, – подыграл Степан. – Тебе не показалось, что были толчки?

– Толчки были, безусловно, я бы даже сказала, что это напористый расстрел моих ворот из главного калибра.

Степан посмеялся.

– Нет, я про землетрясение.

– Вроде было, но не точно. – Настя налила себе и Степану компот из другой банки. – Есть подозрение, что твоя крепость пала после компотика.

– Да какая у меня крепость, так, заборчик с кучей лазеек.

– Не обесценивай мою победу, – в шутку пригрозила Настя.

Они выпили по бокалу компота, оделись и вышли из бани, прихватив банки с недопитым лакомством. В беседке никого не оказалось, а воздухе пахло едким дымом, как от пожара. Настя со Степаном прошли к передним воротам. Ольга, Соня и Анатолий стояли и глазели на улицу через забор.

– Что случилось? – спросил Степан.

– Дома горят, – ответил Анатолий, не обернувшись. – Какие-то кретины их подожгли. И ветер, как назло, в нашу сторону.

По улице с той стороны, где начался пожар, шла толпа людей. Они уже поняли, что огонь в этом месте может запросто перекидываться с дома на дом, а никакие пожарные тушить не приедут.

– Компота хлебнешь? – спросил Степан.

Анатолий обернулся и удивлённо уставился на протянутую банку.

– Ого, откуда такое сокровище?

– Секрет, – ответила Настя.

Зам начальника банка присосался к дырке в крышке и жадно пил. Настя отдала свою банку Ольге с Соней. Они не стали отказываться.

После бани и секса Степана сморил сон. Он лёг в саду, в тени сирени, на принесённый из дома матрас и подушку. Пока спал, случилось три землетрясения. Причем последнее оказалось настолько сильным, что косяк входной двери в доме повело и она перестала закрываться. На кирпичных стенах появились трещины. А гром, донёсшийся следом, также был громче слышимых прежде. Степан и проснулся от него.

Настя сидела в беседке с книгой. Степан поднялся, размял ладонями лицо, помахал руками, чтобы разогнать кровь. Выглянул через забор на улицу. Народу на ней виднелось столько, сколько и должно быть в посёлке, в котором происходит нормальная жизнь. Не хватало только машин. Ничего особенного при этом не происходило.

Степан почувствовал голод и направился к Насте.

– Привет. Выспался? – спросила она.

– Да. Восстановился, – Степан добродушно усмехнулся. – Есть хочу. Осталось чего-нибудь?

Настя расстегнула куртку и вынула четвертинку колбасы.

– Припасла тебе. Наши сожители жрут, как саранча. Еле успела отобрать. Валить надо от них, иначе горя хлебнём. Они из категории людей, которым больше всего надо и которые меньше всего умеют.

– Давай уйдем тихо, по-английски, – предложил Степан. – Они где, кстати?

– В бане. Вернее, в предбаннике. Бухают.

– Откуда?

– В топочной у хозяина дома стоял самогонный аппарат, и там же банки с самогомом, настаивающимся на разных штуках. Там алкашки литров тридцать, если не больше.

– Пошли отсюда.

Они вышли через задние ворота и попали на смежные зады, заросшие бурьяном и заваленные разным хламом, преимущественно строительным. Степан посмотрел на солнце. Оно уже круто перевалило зенит и находилось в середине последней четверти.

– А сколько я спал? – поинтересовался Степан.

– Часа два.

– У меня такое ощущение, что сутки тут немного короче земных.

– Не поверишь, но у меня такое же. День пролетел незаметно.

Они дошли до ближайшего перекрёстка и остановились, размышляя, в какую сторону пойти. На дороге появился бегущий человек. Чем ближе он становился, тем необычнее казался. Одетый только в трусы или шорты, непонятно как удерживающиеся на его тощем, но неимоверно жилистом теле. Человек на вид был европейцем, но загорелым, как мулат. Он пробежал мимо Степана и Насти, не обратив на них никакого внимания. Бегун был босым.

Они едва не побежали следом, чтобы узнать секрет появления этого человека, но вскоре на дороге показались ещё люди. Их было с десятков, и бежали они, держась компанией. Выгля-

дели чуть лучше первого бегуна, но ненамного. Все, как один, загорелые, часть в обуви, часть босиком. Бежали они самозабвенно, как в трансе, не реагируя ни на что.

– Кто они такие? – спросила Настя.

– Зомби-бегуны? – предположил Степан.

Земля снова заходила под ногами. Степан расставил руки в стороны, чтобы не упасть. А Настя упала. Трясло недолго, но страшно. Прямо на глазах покосился на одну сторону угловой дом. Степан помог Насте подняться. Гром пришёл такой, что заложило уши. На дороге снова появились люди. Их было ещё больше, чем в прошлой компании, не меньше двадцати. Эти выглядели свежее, не такие жилистые, но при этом измождённое, чем пробежавшие ранее. Бегущие едва переставляли ноги.

Мужчина в чёрных грязных брюках, с высохшей вокруг уголков губ пеной, упал рядом с ними, тяжело дыша.

– Воды. Дайте воды, – попросил он.

Степан немного потупил, но всё же собрался с мыслями.

– Насть, побудь тут, а я сбегаю к нам за водой. В смысле за компотом.

Степан убежал и вернулся через пару минут. Мужчина сидел на земле и уже не выглядел таким загнанным. Настя слушала, и когда рядом появился Степан, посмотрела на него большими удивлёнными глазами. Степан заранее сделал дырки в крышке и взял с собой кружку. Налил в нее компот и протянул человеку. Тот выпил залпом и попросил ещё. Снова выпил и снова попросил. Выпил третью и только после этого облегчённо выдохнул.

– Спасибо, это то, что надо, жидкость и углеводы.

– Степан, ты знаешь, зачем они бегут и что значат эти землетрясения и гром? – спросила Настя. – Они бегут от обваливающегося края земли. Он постоянно ломается, и надо бежать, чтобы не свалиться в Бездну.

– Посмотрите туда, – мужчина указал в сторону заката.

В жёлтых отсветах садящегося солнца на горизонте темнела высокая полоса, похожая на грозовой фронт или больше по цвету на наступающую пылевую бурю.

– Это граница Края, – произнёс мужчина.

Глава 3

Тебе нужно бежать не для того, чтобы научиться бегать в конечном итоге, а чтобы достичь предела сил, за которым открываются новые возможности.

– Давайте найдём дом, где осталась еда и вода, перекусим – и спать, – предложил мужчина, поднимаясь на ноги.

– Вы нам расскажете, что это за место и вообще, что тут происходит? – требовательно поинтересовалась Настя.

– Ночь коротка, надо успеть восстановить силы. Вначале поесть, а потом пару минут на рассказ, – мужчина огляделся. – Держитесь меня. Завтра у вас очень важный день, – добавил он и направился по задам, перейдя широкую улицу, по которой до сих пор бежали люди.

Зеваки из числа новеньких с тревогой и любопытством взирали на них в ожидании раскрытия истины об этом странном месте. Тёмная полоса на закате медленно садилась вместе с солнцем.

Мужчина открыл калитку и вошёл во двор. Степан и Настя, заинтригованные его обещаниями, вошли следом. За ними никто не увязался.

– Вас как зовут? – поинтересовался Степан.

– Вообще, Фёдор, но в этом мире редко обращаются по именам, общаться некогда. На бегу это делать опасно, потеряешь силы, а на привале нет времени. Перекусил – и отбой, иначе на завтра будешь вялым.

– А бежать обязательно? – спросила Настя.

– Нет, конечно, можно свалиться в Бездну вместе с Краем. Многие так и делают. Но это личный выбор каждого – сдохнуть или бежать. – Фёдор открыл дверь и, будто зная расположение комнат в доме без света, сразу направился в кухню.

– А вы...

– Хватит, – резко остановил он вопрос Насти. – Дайте пожрать. Если сами не ужинали, перекусите, но не объедайтесь, иначе завтра будет тяжело стартовать. Ночь слишком короткая, чтобы успеть хорошо переварить еду.

Фёдор проверил ящики кухонного гарнитура, каким-то чудом нашёл свечку и спички, поджёг её и поставил на стол. Затем полез в холодильник. Вынул из него пакет молока, начатую булку и упаковку яиц. Разбил яйцо в кружку, налил молока и размешал быстрыми движениями.

– Белково-витаминный коктейль. Ваше здоровье, – он поднял кружку, как стакан с пивом, и выпил до дна не отрываясь.

Снова налил молока и отломил от булки большой кусок.

– Короче, завтра держитесь меня, особенно на первых порах, а я буду держаться Кошея, ведущего нашей группы, – посоветовал Фёдор.

– Это его прозвище? – спросила Настя.

– Титул, заслуженный очень долгим бегом. Видели его?

– Такой загорелый, тощий и жилистый? – уточнил Степан. – Который бежал первым?

– Да, он самый. Ветеран. Они все, кто бегут долго, становятся такими, как он: кожа, кости, мышцы. Ничего лишнего, всё заточено для бега.

– А скажите, этот край, он что, валится постоянно? – спросила Настя.

– Он рушится в светлое время суток, а ночью нет, даёт нам время отдохнуть.

– А вы считаете, что мы находимся в чистилище? – Степан посмотрел Фёдору в глаза.

– Может, в первый день я так считал, но что-то мы не похожи на души, покинувшие тело. Скорее, находимся в чьей-то игре, задумку создателей которой нам не разгадать. Одно знаю точно, все здесь оказались не просто так. Было за что. Просто нас из одной игры перекинули

в другую, повеселее. Умереть здесь так же страшно, как и там. – Фёдор осоловело заморгал глазами. – Всё, я спать. Не вздумайте меня будить. Я сам вас разбудю утром.

Он вышел из-за стола, прошёл в спальню и упал на кровать не раздеваясь. Настя и Степан остались сидеть, ошарашенные неожиданными знаниями. За окном уже наступила ночь, но шум и крики людей не стихали. Раздался истеричный женский голос.

– Я не хочу! Не хочу никуда бежать! Верните меня домой! Немедленно!

Степан поднялся и прикрыл окно.

– Надо идти спать, – произнёс он. – Ты любишь бегать?

– Ну, я почти каждый день выхожу на пробежку, но максимум для меня – это пять километров лёгким бегом, – призналась Настя.

– Здорово, а я последний раз бегал в универе. Правда, на дальних дистанциях был лучше всех, но это почти десять лет назад. – Степан задумался. – А как же Анатолий побежит с вывихнутой ногой?

– Да ещё и с дикого бодуна, как и его подруги, – Настя усмехнулась. – Хорошо, что нам хватило ума не бухать с ними.

– Не говори.

Степан взял свечу и прошёлся по дому, свободных спален обнаружилось ещё две, и в обеих стояли широкие кровати.

– Ты как лучше спишь, вместе или отдельно? – поинтересовалась Настя.

– Так как я уже два года женат, то вместе. А ты?

– А для меня это экзотика, от которой я не стану отказываться.

Настя откинула покрывало и одеяло и стала раздеваться.

– Не усну в одежде, – призналась она.

– Наверное, я тоже. – Степан тоже разделся.

Настя юркнула под одеяло и накрылась. Степан забрался следом и обнял её со спины. Рука непроизвольно ухватила грудь.

– Чувствую, сразу уснуть не получится, – догадалась Настя. – Давай по-быстрому и спать.

Это был акт снятия гормональной зависимости, после которого они уже могли без последствий находиться под одним одеялом. Усталость и переживания насыщенного дня способствовали расслаблению и наступлению сна.

– Подъём, черепахи, сегодня у вас великий день, посвящение богам удивительного мира Тараумара. – Фёдор стянул одеяло с новичков. – Ого, да вы ещё не одеты. Скорее собирайтесь, каждая секунда на счету.

Степан вскочил, но глаза никак не хотели открываться. Тело молило об отдыхе, доспать хотя бы пару часов. Настя вообще не подавала признаков бодрствования. Фёдор бесцеремонно ухватил её за упругую ягодицу.

– Спящая красавица, очнись.

– Ты что творишь? – возмутился Степан.

– Запомните, здесь помогают выжить только эффективные методы. Не разбудишь через пять секунд, она умрёт, потому что её затопчут в конце толпы или она ухнет в Бездну.

Степан посмотрел на томную фигуру девушки и ухватил за оба соска. Настя вытаращилась на него, а потом пнула, отбросив к стене.

– Ты вообще, что ли, с катушек съехал? – Она прижала руками груди, увидев в спальне ещё и Фёдора.

– Ты не просыпалась.

– Пошли вон! Оба! – выкрикнула Настя.

Через десять секунд она уже стояла в гостиной в полной экипировке.

– Быстрая черепаха, – оценил её скорость Фёдор. – Три глотка воды выпейте сейчас и чего-нибудь сладкого с собой возьмите. В этом доме всегда бывают конфеты, – он полез в гар-

нитур и вынул вазу с разнообразными карамельками. – Три на день, чтобы не захотеть сильно пить.

– Что значит в этом доме? – не понял Степан.

– Дома тут копируются. Сколько бегу, уже начал их различать и знаю, в каком что можно найти. Так, попили, живо на улицу. Помните, когда начнёт обваливаться Край, поднимется паника. Все, кто не верил нашим рассказам, сразу станут верующими. Лучше всего в этот момент уйти как можно дальше от основного скопления людей, чтобы не затоптали.

Троица вышла на улицу. Только начало светать, но на дороге уже собиралась толпа.

– Держитесь меня, не отвлекайтесь и не теряйте из виду. Я, когда бегу, становлюсь невменяемым и не стану вас искать. Для меня есть один ориентир – Кощей. А я должен стать для вас таким Кощеем. Бегу я не быстро, но никогда не останавливаюсь.

– А ты сказал, что этот мир называется миром Тараумара, что это значит? – спросил Степан.

– Не знаю. Мне сказали, что он так называется, а я согласился. Готовы? – Фёдор осмотрел своих подопечных.

– Да, – Настя кивнула.

– Готов. – Степан подтянул по очереди колени к груди, чтобы немного подготовить мышцы.

– Погнали, черепахи.

И они побежали. Вначале это давалось легко. Мир, в котором они очутились, был ровным, без подъёмов, способных быстро отнять силы. Прохладный воздух бодрил тело. Фёдор бежал легко, будто не касался ногами земли. По улице двигались ещё несколько таких же поджарых невесомых фигур, и за каждой спешил хвостик из одного или нескольких новеньких. Многие новички никуда не бежали, стояли у домов и смотрели на бегущих, как на стадо баранов.

– Вы им поверили? Да это же сумасшедшие. Это какой-то дикий культ, – пытались они убедить бегущих. – Остановитесь, люди, не поддавайтесь им.

Слева от Степана бежал мужчина лет сорока, в мятой майке, будто только надетой в первый раз.

– Новичок? В смысле черепаха? – поинтересовался он у Степана.

– Ага. – Тот не стал терять силы на разговоры.

– Не обращай внимания на тех, кто отговаривает. Это слабаки. В первый день гибнут девяносто девять процентов новеньких.

– Тяжело выдержать? – кратко спросил Степан.

– Вначале невыносимо, но потом ты выходишь из тела и почти ничего не ощущаешь. Однако до этого состояния надо дотерпеть. А до него, как мне сказали, добегают десять процентов из тех, кто начал бег. Ладно, я всё сказал, замолкаю. – Мужчина немного прибавил хода, будто тоже старался не отстать от тех, кто служил для него ориентиром.

По улице гуляло эхо грохочущих нескольких сотен пар ног, напоминая тем, кто служил в армии, утренний разминочный кросс. Степан пока чувствовал себя в силе. Настя тоже не производила впечатления уставшей. Они держались вместе, плечом к плечу. Бежали вперемешку с новенькими, румяными и заспанными, и старенькими, загорелыми и свежими, будто и не спавшими.

Степана привлекли несколько бегунов. Полная женщина, которая уже сейчас покрылась потом и выглядела уставшей. Пятидесятилетний мужчина с аккуратной седой бородкой, но с очень красным лицом. Его как будто шарахнуло высокое давление. Прихрамывающий парень лет двадцати. Никто из них не выглядел как бегун, способный преодолеть сколько-нибудь значимое расстояние. Степан поискал глазами ветеранов и сразу наткнулся на сухую девушку, бегущую босой.

– Не скажете... сколько по времени... бежать? – спросил он, попадая в дыхание обрывками фраз.

– Восемь часов, – ответила она.

Её ответ услышал не только он. Сразу же двое новичков приняли в сторону и остановились на тротуаре. Сдались, поняв сразу, что неспособны на такой подвиг. У Степана и самого появились слабovolные мысли бросить всё и принять судьбу в виде падения в Бездну. Он посмотрел на Настю, узнать, слышала ли она ответ девушки. Настя только улыбнулась. Нельзя выглядеть перед ней слабаком. Степан уже успел почувствовать к ней симпатию, и это добавляло ему стремления оставаться рядом.

Впереди показалось окончание улицы. Одинокaя фигура загорелого Кощея маячила там, как мушка на конце ствола. В тот момент, когда луч поднявшегося солнца выхватил его фигуру из тени последнего дома, земля ушла из-под ног. Окружающий мир вздрогнул. Дома зашатались, поднимая пыль, заборы попадали. Невероятный грохот ударил по ушам, вызвав в них продолжительный свист. Степан обернулся и увидел Край.

Обрыв, за которым больше ничего, только поднимающаяся стена пыли. Край был ближе противоположной стороны посёлка. Кто-то, не поверивший бегунам, уже падал в Бездну. И тут толпа обезумевших людей разом прибавила скорости.

– В сторону! – выкрикнул Фёдор.

Степан и Настя, как нитка за иголкой, последовали в его фарватере. Мимо пронеслись испуганные новички. Полная женщина споткнулась, будто ноги перестали её нести, и упала, вызвав локальный завал. Толпа пыталась оббежать упавших, но не все успевали это сделать. Настя решила броситься на помощь.

– Нет! – выкрикнул Фёдор. – Сами погибнете. Любая помощь – смерть и себе, и тем, кому помогаете. Для вас есть только моя спина. Это ваш навигатор на первых порах в мире Тараумара.

Пришлось согласиться, поверив убедительным доводам. На самом деле, что могла сделать для женщины Настя? Идти против течения толпы уже опасно, а лезть в кучу-малу людей и подавно: затопчут.

Толпа обезумела от страха, и многим это придавало сил, которые в спокойной обстановке они в себе ни за то бы не обнаружили. Фёдор не лез вперед всех, держался тротуара, изредка оглядываясь. Новички обгоняли его, тяжело топая и громко дыша. Ветераны, многие из них выглядели почти как Кощеи, безучастно и невесомо бежали чуть в стороне, уступая тем, кто желал их обогнать.

Степан предположил, что по улице бежит сейчас не менее трёхсот человек, из них процентов восемьдесят новички, разительно отличающиеся от тех, кто прибежал в посёлок вчера вечером. Он попытался в уме посчитать, сколько из этой толпы добежит до финиша на основании слов Фёдора. Из каждой сотни только десять верили, что надо бежать, а из этих десяти добегал только один. Один из сотни. Цифра ужаснула и заставила подумать, что испытание настолько невозможное, что он ни за что не войдет в число финишировавших.

Он увидел в толпе бегущих Соню. Выглядела она неважно. Видимо, они хорошо посидели накануне. Ему стало жаль женщину, потому что он успел её узнать и понимал, что шансов у неё никаких. Она бежала сама по себе, без «навигатора». Степан дотронулся до Насти и кивнул на женщину.

– Соня.

– Одна? – Настя попыталась разглядеть её в толпе.

– Да.

– В её стиле... свалила... по-тихому. – Она наконец разглядела Соню среди бегущих. – Помятая.

– Кто ж знал... что... бежать с утра.

– На суд, – Настя хихикнула.

– Не болтайте, – Фёдор обернулся. – Сдохнете раньше времени.

Посёлок закончился, и сразу стало свободнее. Толпа разбежалась по всей ширине дороги и растянулась по ней на многие сотни метров. Некоторые уже начали сдавать. Из посёлка выбежали группы, бегущие по параллельным улицам. И было их бессчётное количество от края и до края. За посёлком начинался полупустынный пейзаж, песчаная земля с выгоревшей чахлой растительностью. Асфальтированная дорога закончилась, и началась проселочная из прикатанного жёлтого песка. Вдаль уходили ленты таких дорог, по каждой из них, поднимая пыль, бежала толпа людей.

– Надо отрываться, а то наглоаемся, – обратился Фёдор к своим последователям. – Можете?

Степан кивнул.

– Да, – ответила Настя.

«Навигатор» плавно прибавил ход, всё так же невесомо отталкиваясь от земли. Степану и Насте не удавалась такая грация. Пыль от бегущих действительно поднималась невероятная, и уже начинала скрипеть на зубах и собираться в уголках губ и глаз. Фёдор обходил новичков. Один из мужчин попытался ухватиться за его руку, чтобы облегчить себе бег, но ветеран, кажется, был готов к этому. Легко увернулся от него. Мужчина чуть не упал. Чтобы толпа не затоптала его, отскочил с дороги и остановился, тяжело дыша.

– Тварь! – крикнул он вдогонку Фёдору.

Как в жизни, сложная ситуация обнажала сущность людей. Не помог, хотя мог, значит, тварь. Не хотел думать, что даже в толпе у каждого свой путь и любой слабак являлся смертельной обузой для обоих. Степан по инерции жалел людей, у которых заканчивались силы. Не все рождаются марафонцами. Кому-то на роду написано сидеть за компьютером всю жизнь, набирая код, поедая булки с кофе и отрачивая большую рыхлую задницу. А тут бежать от рассвета до заката.

Во рту пересохло. Степан захотел сплюнуть скрипящую пыль, но не смог, слюны не накопилось. Посмотрел на Настю. её глаза и губы были словно подведены коричневой тушью. Ему захотелось посмеяться, но он не стал тратить на это силы. Фёдор убежал слишком далеко и стал теряться из виду. Надо прибавить шаг, но он уже чувствовал, что любое усилие сверх того, что он прикладывал сейчас, усугубит ситуацию.

Землю снова тряхнуло. Степан оступился, но не упал. Настя тоже удержалась на ногах. А многие не смогли, попадали на землю и выглядели так, словно больше не собирались вставать. А ведь они пробежали чуть больше получаса. Степан обернулся. В пространстве между пыльными облаками бегущих групп он увидел, что посёлка, в котором они провели здешние сутки, больше не существует. Грохот ударил по ушам.

Ударная волна на самом деле существовала. Пыль отобразила её движение. Среди упавших и неспособных подняться людей оказалась и Соня. Она, увидев Настю, рыдая, протянула к ней руки.

– Помогите мне встать, Настя!

Настя не смогла отказать ей. Помогла. Степан тоже помог, чтобы не потерять подругу из вида. Но тут случилось неожиданное. Все лежащие, кто увидел акт сострадания и помощи, захотели, чтобы их тоже подняли и потащили за собой. А Соня, как клещ, ухватилась за руки и не собиралась отпустить.

– Я не могу сама. Помогите, вы же молодые, сильные! – кричала она плачущим голосом.

Степан почувствовал, что за его лодыжку кто-то ухватился. Тот самый краснолицый мужчина с аккуратной бородой. Он был весь в пыли и тоже хотел помощи. Ситуация становилась тяжёлой и требовала немедленного решения. Степан вырвал ногу из его руки, ударил ею Соню и выдернул Настю.

– Бежим! – выкрикнул он и потянул за собой.

В спину донеслись крики, проклятья и угрозы.

Выброс адреналина компенсировал то усилие, которое они приложили, чтобы нагнать Фёдора. Увидев их, наставник только показал поднятый палец. Новички подстроились под его темп и побежали спокойнее. Обернувшись минут через десять, Степан с удивлением обнаружил, насколько растянулась толпа. Последние бегущие терялись в облаке пыли. Возможно, и не бежали вовсе, а шли. Очевидно, что с такой скоростью они не успеют уйти на безопасное расстояние до следующего обрушения Края.

– Хреновая сегодня трасса, – произнёс Фёдор, увидев, что его воспитанники бегут рядом. – Пыльная. Бывает... ветер от Края поднимается... бежать помогает... но когда с пылью... хана... дорогу можно потерять. Кощей... ногами чует направление... а я ещё нет.

– А если... с дороги... не сходить? – спросила Настя.

– Дорога... не всегда... безопасна. Важно... кто бежит... по ней.

– А как определить... куда бежать? – уточнил Степан.

– Держаться Кощей... или Компаса.

– Кого? – удивилась Настя.

– Есть люди... от природы с чутьём направления... я не из них... может... кто из вас окажется... хорошее подспорье.

– Я по жизни... всегда... не туда... шёл, – признался Степан.

– Я тоже, – усмехнулась Настя.

– Жаль... держитесь меня... а я Кощей. – Фёдор отвернулся, дав понять, что не собирается тратить силы на болтовню.

К очередному обрушению Края Степан уже подготовился. Он подсознательно начал ждать его заранее, и когда оно случилось, легко удержался на ногах и даже поддержал Настю. Громыкнуло сильно, но уже привычно. Новый Край образовался примерно в километре позади них. Степану даже показалось, что они увеличили разрыв и через пару часов смогут остановиться на короткий привал.

Толпа, выбежавшая из посёлка, здорово поредела. Не в два, и не в три раза, а гораздо сильнее. Все опытные бегуны бежали примерно одной группой, а новички растянулись, и многие из них оказались на самом Краю. Поднявшееся в результате обрушения облако пыли настигало их. Степан мысленно поблагодарил судьбу за то, что им встретился Фёдор, взявший на себя труд объяснить ситуацию и предостеречь от возможных глупостей.

Солнце начинало печь. Степан снял майку и повязал на голову. Настя в искусственном спортивном костюме тоже начала париться.

– Снимай куртку... бери мою майку, – предложил Степан очевидное решение.

– Тут люди, – застеснялась Настя.

– Этим людям... не до твоих... сисек.

– Давай, – она скинула одним движением куртку и протянула Степану.

Он отдал ей свою потную майку в пыльных разводах. Настя надела её. Оказалось, что в груди немного тесновато, но так она меньше скакала на бегу.

– Отлично! – Настя осталась довольна обменом.

Степан примотал её куртку на голову, подвязав рукава под мышками. Потное тело быстро покрылось влажной пылью, защищающей от солнца. Пот стекал ручейками к пояснице, оставляя светлые полосы, но они быстро темнели от налипающей пыли. Монотонный бег помогал не концентрироваться на усталости. Наверное, как и многие, кто очутился в этом странном мире впервые, Степан задумался о том, что будь у него велосипед, он мог бы выиграть такую фору, что никакой Край был бы ему не страшен. Наверное, поэтому их здесь и не имелось.

Ещё он думал о том, что смерть в этом мире, возможно, не имеет того же смысла, что и в том, откуда он родом. Степан не родился здесь, не имел родных, близких, словом, не созда-

вал жизнь, ради которой и нужно жить. Мир, как назвал его Фёдор, Тараумара, выглядел на вид искусственным, возможно, и смерть здесь симуляция, вроде окончания игры. Стоило ли терпеть лишения ради ничего не значащей смерти?

Как бы в противовес его мыслям он стал свидетелем её. Мужчина впереди, на вид не новичок, упал на землю и задергался в конвульсиях. Никто не остановился и не обратил на него никакого внимания. Когда Степан поравнялся с ним, человек уже выглядел мертвым.

– На аневризму аорты... похоже, – предположила Настя.

– Бедняга.

На самом деле Степану было не особенно жаль погибшего. Возможно, смерть являлась самым лёгким способом выйти из этой игры. Ему мешал принять её инстинкт самосохранения, панически ратующий за любые способы избегания, и неожиданное знакомство с Настей. Все-таки в предвкушении отношений и переживании чувств заключалась особенная тяга к жизни. Степан взял Настю под локоток, поддавшись нежности. Она повернулась к нему чумазой мордахой. Сквозь природный «грим» сложно было рассмотреть привлекательные черты её лица. Оно выглядело неряшливым и смешным, но Степану это показалось милым. Он улыбнулся. Настя улыбнулась в ответ. Он сам был сейчас таким же смешным и непривлекательным.

– Не устал? – спросила Настя.

– Не сильно. – Язык его при этом сухим наждаком царапал рот, и пить хотелось невероятно. – А ты?

– Начинаю... уставать... семь часов... не выдержу.

– Брось... эти мысли... сможешь. – Степан испытал шок от её признания.

Несмотря на краткий, но насыщенный миг знакомства, а по-иному здесь и не могло быть, он дорожил им. Без Насти он сразу почувствовал бы себя слишком одиноким. Она стала настоящим противовесом непонятному, жестокому, немилосердному миру Тараумара. Как два заряда, они образовывали с ней единое целое, имеющее смысл, а по раздельности их ждала только Бездна.

– Голова кружится, – призналась она. – Давай остановимся... на пару минут?

– Только пару.

– Да.

Настя остановилась и сразу же села, тяжело дыша. Сняла кроссовки и оказалось, что обе пятки у нее в крови. Новая, но дешёвая обувь сыграла негативную роль.

– Выброси... беги босиком, – посоветовал Степан и пнул кроссы с дороги.

– Подошву сотру... за семь часов.

– Возьми мои носки, – предложил Степан. – Держи. Не обессудь за запах.

– Плевать. – Настя натянула их.

Пятка оказалась где-то на уровне щиколотки.

– Спадут, – догадался Степан. – Натяни их поверх штанины.

Настя заправила штанины в носки и осмотрела результат.

– Какой ужас. Видели бы меня сейчас ухажеры, – она горько усмехнулась и вытерла полившийся градом пот с лица.

Вместо этого размазала грязь и стала ещё смешнее. Степан не преминул посмеяться над ней, но смех перешел в кашель из-за саднившего от сухости горла.

– Надо бежать, Насть. – Он протянул руку.

– Ещё минутка, и я буду в порядке.

Степан посмотрел в сторону Края. Пыль, поднятая прошлым обрушением, осела, открывая взгляду границу, за которой не было ничего. Выглядело это пугающе странно. Он почувствовал, что НИЧЕГО – это правильное определение места за Краем, и оно страшнее смерти. Там не имелось среды, в которой могла существовать бессмертная душа. Край был границей, отделяющей их от полноценной смерти, а бег – последней надеждой на спасение.

– Насть, ты такая, о какой я всегда мечтал, – Степан решил простимулировать её найти силы, – но боялся иметь.

– Ты сказал это девушке, которая выглядит, как Чингачгук в боевой раскраске? – Настя сделала попытку засмеяться, но тоже закашлялась.

– Ты знаешь Чингачгука?

– Удивлен?

– Да.

– Случайность. Жила летом у бабушки, а у неё не было интернета, зато стояло полное собрание Джеймса Фенимора Купера. Вот так я и узнала про Чингачгука, Зверобоя и остальных.

– Чингачгук не стал бы раскисать на солнце. – Степан не прекращал попыток мотивировать подругу продолжить бег. – Смотри, мы скоро окажемся в хвосте, а до обрушения осталось всего ничего.

Кто-то из новичков, увидев сидящих, упал рядом, тяжело дыша.

– Пошло оно... лучше сдохнуть, – произнёс полный парень, обливаясь потом.

– Мы так не считаем, – возразил Степан. – Да, Насть?

– Какой ты приставучий, Стёпа. – Настя поднялась и прогнулась в спине. – Давай не спеша.

– Давай, – охотно согласился друг.

Полный парень махнул им вслед и лег на спину. Он уже всё для себя решил.

Фёдора видно не было. Судя по пыли, поднимаемой в начале группы, до него не меньше километра. Со Степаном поравнялась девушка, по виду не из новеньких, и протянула ему что-то в руку. Он инстинктивно взял. Это оказалась пачка преднизолона в таблетках.

– Зачем она... мне их сунула? – удивился он.

Настя взяла у него таблетки и прочитала название.

– Это допинг... поможет.

– Я думал... это... от лишаёв.

– И от них... тоже.

Настя вынула блистер, выдавила три таблетки, закинула в рот и захрустела. Отдала упаковку Степану, чтобы он сделал то же самое. Он тоже вынул, разгрыз и с трудом проглотил почти сухой порошок.

– Вот так... помогать можно, – произнесла Настя, имея в виду поступок девушки.

– Когда... подействует?

– Думаю, через... полчаса... или час.

Для человека, которому нельзя остановиться, каждая лишняя минута казалась вечностью. Час – это два обрушения Края, каждый из них мог стать роковым. И вот оно случилось в очередной раз, но в такой непосредственной близости, что безжизненное Ничто окатило зябким дыханием всех, кто очутился у самого Края. Удержаться на ногах не удалось. Степан с Настей упали вперёд, словно через подножку. Степан обернулся и увидел момент откола куса поверхности. Огромная площадь шириной в несколько километров с неимоверным грохотом отломилась и ушла вниз, забрав с собой по всей ширине сотни людей. Край сработал как мембрана, подняв в воздух тонны пыли, грозящей усугубить положение оставших ещё сильнее.

Степан помог Насте подняться. Таблетки как будто уже подействовали, а может, помогло внушение, но откуда-то взялись дополнительные силы. Они прибавили скорости, чтобы не надыхаться пылью. Бездна холодила спину своей близостью. Вроде бы ничего такого, как смотреть с края скалы в пропасть, закрытую плотными облаками, но она была осязаемой на духовном уровне и вызывала безусловное неприятие.

Ускорились не только Степан с Настей. Страх подстегнул многих, и сейчас в группе остались в основном те, кто лучше подготовлен к подобным испытаниям в физическом и мораль-

ном смысле. Сейчас уже не представлялось возможным отделить на глаз новичка сегодняшнего от вчерашнего. Все выглядели одинаково уставшими и грязными. Для вчерашних всё могло быть ещё хуже, так как они знали, что предстоит перенести, а выносливости не натренировали, как те, кто бежал во главе группы.

Настя увидела знакомую спину Фёдора и показала на неё Степану. Тот коротко кивнул, экономя силы на ответах. Наставнику, видимо, они тоже не безразличны. Он оборачивался и, когда узнал их, а сделать это было довольно сложно, помахал и улыбнулся. На фоне загорелого лица улыбка показалась сияющей. Парочке его положительная реакция добавила сил. Моральная поддержка помогала не хуже стероидов, а в перспективе намного лучше.

Очередное обрушение Края случилось довольно далеко и, кажется, из их группы не унесло с собой никого. Но вскоре после него случилось интересное событие. Группы, бегущие параллельными дорогами, стали отдаляться, словно дороги расходились в разные стороны. В условиях необъятности раскинувшейся перед глазами плоскости понять, в каком направлении следует бежать, Степану показалось невозможным. Край не был геометрически ровным, чтобы отталкиваться от него.

Какое-то время группа спокойно бежала по дороге, но потом её лидер, называемый Кощеем, свернул налево и побежал прямо по рыхлому песку, сухой траве и колючкам. Разница в усилии почувствовалась сразу. Ноги вязли. Бёдра и голени забились, став ватными. Среди бегущих начались стенания и ропот.

– А если Кощей скис? Нажал на тормоза? Загнался? – это то, что услышал Степан.

Что это значило, он не понимал, но чувствовал, что бегущие выписывают лидеру кредит недоверия. С одной стороны, он тоже не хотел, чтобы тот завёл их куда-нибудь не туда, но с другой – понимал, что человек просто бежит сам по себе, а весь хвост, пристроившийся за ним – добровольцы, сами выбравшие, за кем бежать.

Бег по пересечёнке длился ровно до следующего обрушения. Степан с Настей перешли чуть ли не на шаг, устав от слишком мягкой опоры под ногами. Каково было удивление, когда Край обломился так, что направление бега группы оказалось ему строго перпендикулярно. При этом Степан видел, что некоторым группам повезло гораздо меньше. Пыльные тучи, поднятые бегунами, исчезли навсегда в Бездне.

Кощей снова вывел людей на дорогу. Скорость бега выросла, а пыли из-под ног стало меньше.

– Ух, ошиблись, – довольно признала женщина в лёгком коротком платье.

Степан обратил внимание на её жилистые бёдра и голени, работающие, как механизмы работа-манипулятора. Наверное, для неё бег уже не был испытанием в физическом плане, только в моральном: повезёт – не повезёт.

– Страус... а не баба. – Настя тоже заметила ноги.

– Такие себе... хочу, – нашёл в себе силы пошутить Степан.

Оба коротко хохотнули и снова отдались бегу.

Прошла уже половина дня. Степан насчитал восемь обрушений. Из хорошего он успел отметить, что организм выстроил свою оборону против неприятных ощущений. Горло больше не саднило сухостью. Оно будто заблокировало нервные рецепторы и ничего не чувствовало. Лёгкие вытерпели ровные нагрузки, но стоило ускориться, во рту появлялся привкус крови. Ноги прошли стадию ватности и адекватно реагировали на команды мозга. Степану даже стало казаться, что он бежит босиком, настолько чувствительно стопы реагировали на изменение поверхности.

В какой-то момент он отключился, будто уснул на ходу, и это было просто фантастически приятно – не ощущать ежесекундно физического надрыва. Вывела его из этого состояния Настя. Она остановилась и полезла в карман за таблетками преднизолона. Степан отбежал метров на пятьдесят, прежде чем увидел, что её нет рядом. Он вернулся к ней под осуждающими

взглядами опытных одnogруппников. Настя шмыгала носом и неловко выдавливала таблетки. Две из них упали на дорогу.

– Устала? – спросил Степан.

– Оставь меня, – сквозь слезы проговорила Настя. – Беги один.

– Нет, – резко ответил Степан.

– Я всё... ноги не идут. – Руки у неё тряслись, как у алкоголика во время жуткого похмелья.

Она закинула в рот таблетки и разжевала.

– Ты не побежишь... и я не побегу... зачем мне тут... быть одному?

– Не дури... тут любви нет... все бегут... сами по себе. – Она несколько раз сглотнула, пытаясь протолкнуть сухие таблетки по сухому горлу.

– Осталось немного до финиша... меньше половины.

Степан понял, что Настя ещё не сдалась, иначе не стала бы глотать таблетки, но по-девичьи хотела, чтобы ей помогли и поддержали. Ей нужно было услышать, что её финиш хотя бы сегодня кому-то важен. Она вытерла слёзы, превратив пыльный грим в роспись под енота, и побежала дальше. За остановку они поплатились тем, что оказались последними и ближе всех к Краю.

Тряхнуло так, что они подлетели на полметра и упали лицом в песок. Поднявшуюся пыль дохнуло в их сторону ледяным дыханием Бездны. Это не было аллегорией. По ту сторону Края царил космический холод. Степан увидел сквозь пылевую завесу стущающуюся тьму, непроницаемую для света солнца. Нет, туда он не хотел свалиться. Бездна казалась ему страшнее могилы. Невозможность принятия варианта подобной смерти, если это было смертью, а не полным небытием, в очередной раз добавила сил. Жизнь, даже такая странная, как в этом месте, казалась ему ценностью, которую надо спасти. Будто жизнь эта не только его, но и часть огромного целого, существующего в мире в противовес Бездне.

Степан помог Насте подняться. Она разбила локоть до крови. Пыль и песок мгновенно впитались, застынув на руке темной нашлёпкой.

– Отдохнули, пора в путь. – Степан утёрся курткой.

– У тебя спина красная, – заметила Настя.

– Ерунда, скоро будет чёрная, как у всех.

– Оптимист, блин, – Настя улыбнулась.

Этот вынужденный перерыв оказался настолько благотворным, что они смогли легко нагнать группу и даже выбраться к середине.

Тем временем пейзаж начал меняться. Однообразная полупустыня сменилась более сложным рельефом. Она оставалась всё такой же жёлтой и выжженной солнцем, но появились небольшие холмы с белыми отвалами, разрезанными дорогой. Степан представил, что если ведущий захочет снова поменять маршрут, то придётся либо карабкаться на такие возвышенности, либо обегать их.

Неожиданно после очередного холма, похожего на отложения мелового периода, они выбежали на рукотворный каменный мост, под ним текла прозрачная река, серебрившаяся на солнце. Впереди в группе раздались аплодисменты. Степан разглядел хлопающего Фёдора. Их наставник несколько раз в торжественном порыве выбросил вверх правую руку. Причину общей радости он не понял. До финиша оставалось ещё далеко.

– По какому... поводу... радость? – спросил Степан у парня, похожего на опытного бегуна.

– Попал... на мост... с первой... попытки, – ответил тот.

Степан посмотрел по сторонам, вдоль русла реки, и не увидел больше ни одного моста. Выходило, что параллельные группы вынуждены терять время и силы, чтобы добежать до моста или преодолеть реку вплавь. А она была не узкой. Метров семьдесят в ширину или

больше. Степан оказался прав. Люди подбегали к реке и бросались в воду. Плыть – это не бежать, намного сложнее. Из приятного только смыть с себя налипшую грязь.

– Я бы... поплавала, – Настя смотрела на плывущих людей.

– В другой раз... когда... станем сильнее.

На мосту Степан наконец смог увидеть нормально, без пылевой завесы, сколько осталось людей в группе, и был крайне удивлен. Из новеньких бежало человек шесть при трехстах стартовавших.

После моста пейзаж выглядел дружелюбнее. Рельеф снова стал плоским, дорога – плотнее, словно прикатанная катком. Появились оливковые рощи. Правда, Насте в носках бежать по жёсткому покрытию стало сложнее. Её нежные ноги ещё не привыкли к таким испытаниям. Степана удивило качество носков, они выдержали внушительный пробег без дыр.

– Молодцы, – неожиданно похвалила их обогнавшая девушка.

Степан узнал в ней ту самую, которая поделилась с ними таблетками преднизолона. Возможно, они были обычным плацебо, но свою роль в мобилизации сил сыграли. Благодарить вслух не стали. Любой окрик стоил большого расхода энергии, особенно сейчас, когда мысли об удачном финише одолевали всё настойчивее, а это вело к преждевременному расслаблению.

Группа из-за того, что больше не надо держать дистанцию, чтобы не наглотаться пыли, собралась кучнее. Фёдор чуть отстал, чтобы пообщаться со своими учениками.

– Я в вас... не ошибся. Научился... понимать... по глазам. Держитесь. Обычно... за оливками... начинаются... апельсины.

– Класс. – Степана на большее не хватило.

Даже от этой фразы закружилась голова.

– Обычно... кружится голова... к финишу... от обезвоживания. Но пить... опасно... силы сразу... уходят. А вот сок... можно. – Опытный наставник знал, что происходит с новичками. – Я буду... рядом.

Он отбежал чуть вперед и встал рядом с той самой девушкой, пожертвовавшей таблетки. Степану показалось, что они вместе, потому что она искренне улыбнулась, когда Фёдор поравнялся с ней.

Через одно обрушение и ещё немного оливковые рощи на самом деле сменились апельсиновыми. Бегуны словно ждали этого, кинулись за оранжевыми плодами. Степан не остался в стороне. Подбежал к ближайшему дереву и сорвал два апельсина. Вернулся к Насте и отдал ей один. Фёдор отстал, чтобы показать им, как надо употреблять апельсины правильно.

– Отделяйте одну... дольку... и... под губы... давите её... сосите... чтобы отдавала сок... но не плотайте... мякоть... всё, что... трудно переварить... вызывает... усталость. Уяснили?

Степан и Настя кивнули. Поступили так, как советовал Фёдор. Приятная бодрящая жидкость, словно живая вода, наполнила тело энергией. Головокружение исчезло полностью. Во рту пропала сухость, а это тоже дорогого стоило. Чтобы высосать сок одного апельсина, ушло больше получаса. За это время закончились рощи и случилось ещё одно обрушение. Солнце ощутимо клонилось к вечеру, маня бегущих скорым отдыхом. Ждать его становилось всё труднее.

Один из новеньких, парень в жёлтой майке, внезапно остановился, затем сел и повернулся спиной ко всем. Он будто выбрал встретить смерть лицом к лицу, что показалось Степану его осознанным решением, которое изменить не получится. Как парень провалился в Бездну, смотреть не стал. Уже несколько обрушений он не оборачивался, зная, что не увидит ничего нового.

И вот, когда солнце уже миновало начало последней четверти, впереди показался посёлок. Он был ещё далеко и виднелся цветным квадратом на жёлтом поле, но от того, что они увидели финиш невероятного кросса, который им никогда бы не удалось пробежать в других условиях, тело наполнилось последним зарядом энергии. Настя чуть не разревелась.

– Не плачь, – строго предупредил Степан. – Устанешь... соберись.

Подруга собралась. Вскоре случилось ещё одно обрушение, и вся группа, как по команде, захлопала в ладоши. Степану с Настей стало понятно, что это было последнее на сегодня и им удалось совершить невозможное. Тут уже Настя не стала себя сдерживать, дала мощного ревака.

Глава 4

Почему бег, а не спортивная ходьба или хотя бы бег трусцой? От страха не уходят пешком. Бег – это совокупность человеческих реакций на внешние факторы. Когда бежишь, слабостью мыслим некогда одолевать твой ум. Бег – это для того, чтобы испытать себя на пределе сил. Он позволяет сразу разделить людей, как в сепараторе, на тех, кто сможет, и тех, кто нет. А потом сделать это ещё раз и ещё, пока не останется тот, кто вознесётся над испытанием, чьи ноги оторвутся от земли и понесут его по воздуху туда, где никуда бежать не надо.

– До базы лучше добежать, чтобы осталось больше времени на сон, – посоветовал Фёдор своим ученикам.

– Я не могу себя заставить. – Настя вытерла слёзы.

– Давай руку, – Фёдор обхватил крепкой ладонью её запястье. – Сейчас, когда Край стоит, такая помощь никому не вредит.

Он потянул Настю за собой. Степана кольнула ревность, но он точно знал, что если возьмёт подругу на прицеп, то сразу упадет. До этого они прошли метров триста пешком, и организм понял это как окончание испытания и сдался. Тело превратилось в трёхсоткилограммовую тушу, еле удерживаемую на ногах. Степан старался не отставать, чтобы не потерять Настю из вида, когда они окажутся в посёлке, полном удивлённых новичков. Как он им сочувствовал и как не верил самому себе, что одолел восьмичасовой марафон.

Последние метры дались ему с невероятным напряжением сил. Состояние нереальности или даже лёгкого безумия, когда с трудом понимаешь, что происходит вокруг, овладело Степаном. У него так же, как и у всех бегущих, засохла пена вокруг рта, усугубляя сходство с безумным человеком. В отличие от финишировавших вчера, в этот раз трасса раскрасила лица людей страшными масками, используя вместо красок пыль, сопли, слёзы, слюни.

– Откуда вы пришли? Что это за землетрясения? Что это за место? – сыпались со всех сторон вопросы.

Сил отвечать не осталось. Ценна была каждая секунда отдыха. Степан не смотрел на встревоженную публику. Взял Настю за руку и шёл вместе с ней за Фёдором, держа его спину перед собой как маяк.

– Это совсем другой посёлок, – заметила Настя, отдышавшись.

Степан рассмотрел его только после её слов. Да, это место больше напоминало пригородный посёлок из таунхаусов и одноэтажных двух- и трехквартирных домов с аккуратными однотипными заборчиками.

– Фёдор, ты был здесь раньше? – спросила Настя.

– Конечно. Давайте дойдём хотя бы до центра, чтобы завтра не продирались сквозь толпу, – предложил он.

Степан и Настя согласились. Сейчас им было всё равно, что будет завтра. Хотелось уже остановиться, выпить столько воды, сколько влезет в организм, и ещё немного, смыть с себя корку солёной грязи и упасть.

– Вы кто такие? – требовательно спросил высокий полный мужчина в белом поло, теннисных брюках и белых ботинках. – Что здесь происходит?

Он не спрашивал, а требовал ответа. Фёдор даже не обернулся в его сторону. Привык к подобному обращению и знал, что, ответив, нарвешься на неприятности, придётся устраивать пресс-конференцию. Здоровяк не унимался и кинулся к нему за ответом. Ухватил Фёдора за плечо.

– Я с тобой ра...

Молниеносный удар сбил здоровяка с ног. Он упал и ухватился одной рукой за разбитый нос. Сквозь пальцы потекла кровь. Толпа испуганно отхлынула от идущих бегунов.

– Никогда не останавливайтесь, чтобы объяснять. Люди просто задавят вас вопросами, а потом решат сделать крайними, будто это вы виноваты во всем. Не смотрите никому в глаза, зацепятся – не отстанут. Они напуганы и ждут ответов, а получив правдивый, взбесятся.

– Ты здорово ему влепил, – похвалил Степан. – Боксёр?

– Нет, – усмехнулся Фёдор. – В этом мире всему учишься быстро.

После каждого перекрестка картина повторялась. Люди лезли с вопросами и иногда получали за это. Не только от Фёдора. Кощей сцепился с двумя парнями и отметелил их так, словно являлся богом рукопашного боя. Он искусно владел своим телом, будто не бежал от рассвета до заката, а изучал приёмы.

– И он тоже сам по себе этому научился? – спросил удивлённый Степан, проходя мимо поверженных парней.

– На фоне огромного количества минусов в мире Тараумара есть один несомненный плюс: физические возможности тела прогрессируют день ото дня. Не только выносливость, но и сила, и реакция. Но в первую очередь бег, поэтому советую не лезть в драку в первые дни. Не дай бог повредите ногу или пробьёте ребром лёгкое.

– Понятно, – Настя кивнула. – А мы можем быть с тобой, пока сами не одревесневаем?

– Одревесневаете? – Фёдор посмеялся над её точной фразой. Ветераны выглядели сухими и жесткими, как деревья. – Да, можете, но обычно я каждый день выбираю новеньких. Это моя плата за удачу. Не уходите от меня далеко, но и не лезьте, как щенки к матери, просто держитесь рядом. Самостоятельность поможет вам скорее вжиться в этот мир.

– Нас это устроит, – согласился Степан. – Ты много сделал для нас, и мы перед тобой в долгу.

– Ничего вы мне не должны. Вы добежали, и это самый ценный приз. Для меня это поощрение за то, что я с первого взгляда разглядел в вас потенциал.

– Это что-то типа важного умения, необходимого для выживания здесь? – спросил Степан, внимательно ожидая ответа.

– Да. Как вы видели, умереть здесь – пара пустяков. Попал в группу со стрёмным Компасом, и он заведёт вас мимо моста или подведёт под какой-нибудь обрыв. Поставили не на того Кощея, а он возьмёт и нажмет на тормоза в самый неудачный момент.

– Что это значит?

– Как ты, наверное, догадался, люди тут не живут долго, а Кощей – это самые старые, кому уже несколько месяцев, практически бессмертные. Не думаешь же ты, что они способны бежать годами, пока не умрут от естественной смерти?

– Пока я вообще об этом не думал, – признался Степан.

– В какой-то момент не знаю, что они для себя решают, но Кощей просто нажимают на тормоз, останавливаются, и всё, и вся группа, если быстро не найдётся новый лидер, просто теряет веру в себя. Это пока бежишь за кем-то, кажется ясно, куда бежать, а когда сам встаешь во главе, вообще ничего не понятно, если ты не Компас от природы. А обрушения, они не всегда бывают такими, как сегодня, ровными. Иногда клином пойдёт между группами, и тут без опытного человека, который ногами чувствует Край, никуда. Так вот, я это к чему: удачливость сильно зависит от того, как ты сам поступаешь.

– Ты же ударил мужчину, – напомнила Настя.

– Это нормально. Уметь постоять за себя – это плюс к карме. Сентиментальность – минус. Помочь другим реализовать себя – плюс. Помочь тому, кто сдался, – минус. Вы должны понимать, что для мира Тараумара важны только люди, способные выжить и помогающие выжить тем, кто этого достоин, кто сам этого хочет. Как вы.

– Спасибо, – Степан искренне улыбнулся. – Скоро там уже лежище?

– Почти пришли.

– То есть максимально здесь можно прожить несколько месяцев, а потом всё равно смерть? – спросила Настя.

– Смерть не смерть, я не знаю, но несколько месяцев в Тараумаре – это вечность. Наживёшься – мама не горюй. Кстати, сегодня была сложная трасса, не иначе, с нами стартовало много не очень хороших людей.

– И это тоже влияет?

– Так считается. Бывает, когда группе не везёт, значит, в ней завёлся человек с очень плохой кармой, он портит весь забег. Если в группе бежит Медиум или Ведьма, который укажет на такого человека, то бывает, что после того как его выбьют, группе начинает везти. Но так бывает не всегда, поэтому версия с грешниками больше похожа на полуправду. Но чтобы вы не тешили себя напрасными иллюзиями, что, если совершите подлость, об этом никто не узнает, помните, Бездна вас примет с распростертыми объятиями в скором времени. А вот и знакомый домик. – Фёдор свернул в проход между соседними заборами. – Новички редко забираются сюда, неказистый на вид и замок хитрый, думают, что заперто.

– Ой, а это что, бассейн? – удивилась Настя.

– Детский, но зато с водой.

– Вообще плевать. Отвернитесь, – не дожидаясь, когда они отвернутся, Настя скинула с себя одежду, плюхнулась в небольшой пластиковый бассейн и ушла с головой в воду.

– Я покажу, как отпирать дверь, – произнёс Фёдор.

На двери имелась подпружиненная скоба, её было трудно увидеть. Выглядела она заодно с дверью. Фёдор нажал, и дверь открылась.

– Здесь полно еды и воды, но не объедайтесь, иначе завтра будет тяжело стартовать. Запомните, теперь никогда не придётся есть, как раньше, тренируйте терпение. – Фёдор пропустил Степана. – Ладно, я пошёл.

– Куда? Не останешься с нами?

– Нет, спасибо. Надо найти достойных новичков на завтра.

– Ясно. Удачи, Фёдор, и спасибо, что помог нам. Кстати, а кто та девушка, которая дала нам таблетки?

– Майка. Это не кличка, так её зовут на самом деле. Она здесь три недели. Мы таких, как она, называем сайгаками, бегуны от природы.

– Ты её выбрал? – спросила Настя, убирая назад мокрые волосы.

– Да, – он произнёс ответ с тёплым чувством, и сразу стало понятно: не всё так просто между ним и Майкой.

Фёдор подошел к бассейну. Настя прикрыла грудь.

– Не писала ещё в воду? – спросил Фёдор.

– Нет, – испуганно призналась Настя. – Чем писать-то, всё с потом вышло.

Фёдор набрал воды в ладони несколько раз и попил.

– Кстати, здесь не бывает желудочно-кишечных инфекций, – предупредил он, умылся и пошёл к калитке. – До завтра. Не проспите, – добавил напоследок.

Степан и Настя провожали его взглядами, пока он не исчез.

– Не могу поверить, что этот день закончился, – призналась Настя, выбираясь из воды. Она брезгливо откинула ногой одежду, в которой бежала. – Надеюсь, в этом доме найдётся одежда моего размера и обувь.

– Обувь вряд ли. Пятки не скоро позволят её носить. Я искупнусь, а ты пока найди чем перекусить.

– Ага, только бы не уснуть.

– Я мигом.

Степан испытал непередаваемое наслаждение, погрузившись в воду. Корка соли и пыли растворилась в ней, давая телу возможность дышать и не зудеть. Затем он помылся и, ощутив прилив свежести и одновременно невероятной слабости, выбрался. Вода в бассейне после него сделалась совершенно непрозрачной.

Настя уже оделась в домашний халат и расставляла на столе глубокие тарелки. На спинке стула висел мужской махровый халат. На столе стояли бутылка с соком и кастрюля.

– Что в ней? – спросил Степан, одеваясь.

– Не поверишь, окрошка, – глаза Насти горели. – Я за окрошку могу убить.

– На квасе?

– Вообще без разницы.

– Чистая вода есть? – уточнил он.

– Под мойкой пятилитровки. – Настя кивнула в нужную сторону.

Степан выпил два бокала воды и сел за стол.

– Насть, поздравляю тебя с окончанием этого дня. – Он взял стакан с налитым в него соком и чокнулся со стаканом подруги.

– И я тебя. Спасибо, что не бросил.

– Дома я бы никогда не сказал ничего такого девушке в первый день знакомства, но тут повторю: без тебя мне было бы тут совсем неинтересно. Я бы даже сказал, незачем быть.

– Врешь, – Настя усмехнулась. – Я в тебе ошиблась, ты профессиональный ловелас.

– Никогда им не был и вряд ли буду. Женщины меня научили быть осторожным и ждать от них неприятностей.

– Ох, обиженный женщинами, – Настя захихикала с полным ртом окрошки и чуть не подавилась.

– Вот, так и есть. – Степан заметил в этом знак. – Мы с тобой никогда бы не открылись друг другу в том мире, а тут нам нечего терять. Сегодня живы, а завтра бух – и в Бездне. У меня от неё мурашки. – Он показал руку, на которой действительно появились мурашки, а волосы встали дыбом.

– Она мертвее мёртвого, – Настя подтвердила чувства, которые испытал и Степан.

Они доели окрошку, выпили ещё по одному стакану сока. Степан полез в холодильник, посчитав, что недостаточно употребил калорий для восстановления.

– Помнишь, что сказал Фёдор? Не объедаться, – напомнила Настя.

Степан с трудом закрыл холодильник и вздохнул.

– Пошли спать, глаза закрываются.

Спальни находились на самом верхнем этаже под крышей. Красивые, с окном в потолке, идущем под скат. В одной стояли две детские кроватки, в другой – полноценная кровать на двоих взрослых. Настя упала на неё, раскинув ноги.

– Давай сегодня без моих оргазмов, – произнесла она тихо.

– И без моих. – Степан упал рядом и положил ей руку между ног. – Кстати, а как мы проснемся вовремя?

– Придумай, пожалуйста, сам, я уже... – Она засопела.

Степан покрутил головой, увидел старинный механический будильник на комод. Он тихонько тикал. Чтобы разглядеть стрелки, ему пришлось подойти к окну. Света едва хватало, чтобы разобрать символы. С улицы доносился шум и пьяные вопли тех, кому завтра бежать в первый раз. Степан отсчитал пять часов от положения часовой стрелки и активировал рычажком будильник. Если не сработает, то вряд ли они будут долго мучиться, скорее всего, умрут во сне. Или растворятся в небытии.

Он лег рядом с Настей, обняв её, ощутил исходящий от неё приятный аромат женского тела и моментально уснул.

Сон длился одно мгновение. Закончился он звуком, похожим на отламывание Края. Степан и Настя вскочили одновременно.

– Проспали! – выкрикнула она и бросилась к окну.

Снаружи всё было спокойно. Рассвет только начинался. До первого обрушения оставался как минимум час. Стрелке будильника ещё несколько минут до звонка.

– Похоже, тут имеется свой будильник, напрямую в мозги, – догадался Степан. – Ты услышала грохот?

– Да, и ты?

– Угу, – Степан задумчиво покачал головой. – Всё продумано.

Степан со страхом слез с кровати, ожидая ощутить боль в мышцах. Присел несколько раз, подпрыгнул, прогнулся в спине.

– Гораздо лучше, чем я ожидал, – признался он с радостью.

Настя тоже встала и с удивлением обнаружила, что мышцы почти не болят. Раньше, при намного меньших нагрузках, они бы ещё три дня после такой заставляли её хромать.

Прежде чем позавтракать, выбрали себе одежду. Степан нашёл светлую майку и спортивные штаны. Размер чуть больше его, но не существенно. Настя нашла лёгкое летнее платье, оказавшееся ей впору.

– Как у Майки, – произнесла она, красуясь в зеркале одежного шкафа.

Будильник сработал неожиданно, испугав Настю. Она не знала, как он выключается, и сунула его под одеяло, чтобы не раздражал своим пронзительным звонком.

– Чёрт, больше никаких будильников.

Позавтракали они скромно. Выпили холодного растворимого кофе с большим количеством сахара и съели по сосиске с хлебом. Степан поделил остатки сока на двоих.

– Не перебор? – испугалась Настя.

– Надеюсь, нет.

Степан открыл окно. С улицы потянуло утренней прохладой, точно такой же по ощущениям, как и дома. Настя осмотрела свои пятки с засохшими болячками.

– Заживает быстро. Через пару дней можно подбирать обувь.

Она надела две пары мужских носков и закрепила их следками хозяйки дома. Покрасовалась перед зеркалом в прихожей.

– Ещё два дня назад я бы предпочла самоубийство, чем показаться в таких гольфах на улице.

Степан нашёл старомодные тапки на выходе из дома, принадлежащие женщине.

– Мы не знаем, какой будет дорога, вдруг там камни. Я возьму эти тапки на всякий случай. Лучше содрать пятки, чем разбить стопы.

– Спасибо за заботу, – поблагодарила его Настя.

С улицы донёсся редкий топот ног. Степан и Настя вышли из дома. У бассейна спал мужчина с почти допитой бутылкой водки.

– Рождённый пить бежать не может, – переделал Степан знаменитое выражение Горького.

– Из той породы людей, которые в любой непонятной ситуации стараются надраться. – Настя посмотрела на него с жалостью и лёгким презрением.

Он сам выбрал себе судьбу, и не стоило его особенно жалеть. Однако для очистки совести Степан всё равно потряс его за плечо.

– Мужик, просыпайся. Если не побежишь с нами, умрешь.

– Иди... о-о-ой, в задницу. – Он перевернулся на другой бок, не открывая глаз, и подтянул под себя ноги.

– Мы сделали для него всё, что могли, – успокоила Настя друга.

– Нет, не всё. Могли бы укрыть одеялом и положить подушку под голову.

Степан с Настей посмеялись, но им стало не смешно, когда они вышли за калитку и увидели начало нового старта. Вчерашние воспоминания разом напомнили о себе. Опытные бегуны, как им казалось, хотя их опыту могло быть всего несколько дней, в разминочном темпе бежали по улице, уходящей в сторону начинающегося рассвета. Среди них было много новеньких, которых уже заранее жалко. Выглядели они взволнованными и растерянными и старались приспособиться ко всем, кто выглядел в их глазах матерым бегуном.

Степан размял ноги, сделав растяжку и несколько приседаний. Настя разминалась по своей программе, в которой больше изящества. Наверняка оттачивала мастерство перед зеркалом. В лёгком платье она смотрелась сногшибательно свежо, как распутившийся цветок.

– Не могу поверить, что вчера мы просто уснули, – Степан пошутил, глядя на оголённые бёдра Насти.

– Была бы удивлена, если бы ты начал приставать. Видел бы ты свое лицо, – Настя ехидно посмеялась.

– А что с ним не так?

– Оно у тебя было как моська у шарпея. – Настя попыталась передать её изображение, не смогла и расхохоталась.

– Ну вот и нанесен первый удар по моему мужскому самолюбию. Теперь у меня будет комплекс, я буду видеть в себе шарпея, уговаривающего девушку. – Степан артистичнее изобразил своё уставшее лицо.

– Извините, что отвлекаю, – вмешался в их разговор мужчина лет сорока. – Вы не выглядите, как остальные. Наверное, знаете, что происходит и зачем надо куда-то бежать, как все говорят?

Степан и Настя не сразу ответили ему, не знали, с чего начать. Вопрос сложнее, чем думал мужчина.

– Держитесь нас, – посоветовал ему Степан. – Бежать надо, или исчезнешь.

– Как это?

– За нами будет гнаться небытие, которое хуже смерти, – пояснила Настя. – Это место называется мир Тараумара. Не мы назвали его так и точно не знаем, что это означает, но тут нельзя не бежать. Мир рушится, и надо успеть убежать от Края обрушения.

– Дурь какая-то наркоманская, – возмутился мужчина.

– Вам решать, как относиться к этому. Если хотите жить, бегите за нами, а мы будем бежать за другими, – посоветовал Степан.

– Ладно, чёрт с вами, наркоманы. Мне всё равно никто внятно ничего не объясняет.

– Побежали? – Степан обратился к Насте.

– Побежали.

Они сразу взяли неплохой старт, чтобы убежать как можно дальше до начала обрушения, помня, как вчера народ начал паниковать и топтать друг друга. Народу собралось ещё негусто. Из новичков бежали в основном те, кто ещё вчера внял советам опытных и выбрал их в качестве наставников. Впереди замелькала знакомая спина Фёдора и Майки. Они бежали рядом. Девушка уже была в другом платье, демонстрируя новеньким тренированные ноги.

– Такие же хочу, – Настя тоже обратила внимание на них.

– Как у страуса, – шепнул Степан.

– Страусихи, – исправила она его. – В этом мире они смотрятся нарядно.

– Ох уж эти женские штучки, – усмехнулся Степан. – Лишь бы модно... или нарядно.

Они догнали парочку опытных бегунов, закопчённых и жилистых.

– Привет! – поздоровался Степан.

– Привет, – обрадовался Фёдор. – Хорошо выглядите, – он посмотрел на ноги Насти в носках. – Хороший ход... но сегодня... может быть... разная дорога.

– Мы прихватили... тапки. – Степан вынул их из-за спины.

Майка засмеялась, увидев их.

– У меня пятки сбились... в кровь, – пояснила Настя, немного уязвленная смехом.

– Вы молодцы, – произнесла Майка. – Продержитесь КМБ... из вас что-нибудь... обязательно выйдет.

– Что-нибудь? – переспросил Степан.

– Чутьё... я вам рассказывал... про Компасов... про Медиумов. Соберёте... свою группу... и вперед.

– А что это... даст? – не понял преимуществ от этого Степан. – Я про свою группу?

– Не бывает... двух Кошеев... в одной... команде, – ответил Фёдор. – Тот мужик... с вами? – поинтересовался он, кивнув назад.

– Да... пять минут назад... прицепился. – Степан обернулся и увидел в пятнадцати шагах позади мужчину, которому посоветовал бежать за ними.

– Сбавьте ход... вы теперь... за него отвечаете.

– Почему?

– Потому что, – Фёдор не стал объяснять.

Степан с Настей сбавили темп и позволили мужчине себя догнать. Он выглядел слегка запыхавшимся.

– Вы как? – кратко спросил Степан. – Бежать долго... лучше не напрягаться... на старте.

– Сколько?

– Восемь часов.

– Сколько? – У мужчины сразу началась одышка. – Без... остановок?

– Без, – серьёзно ответил Степан. – Скоро поймёте... что тут... всё серьёзно.

Пора заканчивать болтовню, отнимающую силы. По позвоночнику уже стал собираться и стекать каплями пот. Сегодняшнее утро показалось Степану теплее вчерашнего, либо организм находился в состоянии ускоренного метаболизма, активно подстраиваясь под возросшие нагрузки.

– Как мне... обращаться к вам? – спросил мужчина, явив похвальный оптимизм.

Раз планировал общаться, значит, собирался бежать дальше.

– Степан... и Настя, – представил Степан обоих.

– Леонид Николаевич... можно Лео... нид... два дня... на пенсии.

– Для пенсионера... молоды, – удивилась Настя.

– Военный... лёгчик, – не без гордости заявил Леонид.

– Здорово... на пенсии. – Из уст Степана это прозвучало саркастически. – Берегите силы... Леонид... просто бегите... за нами.

– Ага. – Леонид вынул платок из кармана и протер вспотевшее лицо.

На улице собиралась толпа всё больше. Заразившись общим бегом, все, кто нашли в себе силы подняться рано, пристраивались к ней, не понимая, для чего это нужно. Степан посмотрел на солнце, едва показавшееся из-за крыш домов. В запасе ещё минут пятнадцать до появления нового Края. Он надеялся, что к тому времени они окажутся на выходе из посёлка и не попадут под ноги паникующей толпе.

Справа по ходу движения показался павильон, вплотную притулившись к забору дома. Дверь его была раскрыта нараспашку. По всей длине фасада висел баннер: «Очки. Мгновенная диагностика и продажа».

– Давай... зайдём, – предложил Степан.

– Зачем? – удивилась Настя.

– От солнца... гляну.

Настя посмотрела на небо, понимая, что любое промедление опасно, но перечить не стала. Они зашли в павильон, в котором уже побывали мародеры. Видимо, их мало что заин-

тересовало здесь, они не стали увлекаться и разбили только пару витрин с очками. Они тоже взяли себе с затемненными стеклами.

– В глазах как будто песок после вчерашнего, – пояснил Степан без одышки и, не церемонясь, разбил стулом стекло в витрине. – Настя, не подходи, поранишь ноги, – позаботился он о подруге. – Скажи, какие тебе нравятся.

– Без разницы. Давай те, зеркальные, – она показала на нужные очки. – И Леониду прихвати вон те, похожие на очки пилотов.

Степан выбрал себе, взял выбранные Настей, а также взял Леониду. На всё ушло чуть больше минуты. Леонид стоял рядом с павильоном, ожидая их. Дышал, пригнувшись вперёд и упершись руками в колени. Степан надел очки и протянул Леониду добытые для него.

– Наденьте. Весь день под солнцем.

– Спасибо, – он не стал отказываться. – Деньки тут, как я понял, коротки?

– Да, в сутках вроде четырнадцать часов, но это всё навскидку. У нас нет часов, так что мы по чужим словам, по смене Края и интуитивно вычисляем время, – произнёс Степан.

Настя и Леонид надели очки.

– А вы тут давно? – спросил пилот на пенсии.

– Вчера бежали первый день, – призналась Настя.

– Да? А мне показалось... ладно, – он удивился.

Степан не стал выяснять, какая причина показалась ему в них присущей опытным бегунам. Надо скорее уносить ноги. Интуиция начинала подавать сигналы скорой опасности. Они с Настей прибавили ход, обходя толпу по тротуару. Леонид старался не отставать. Так же, как и вчера, со всех сторон неслись малодушные призывы остановиться, прекратить сумасшествие, не провоцировать среди людей панику. Им оставалось вещать совсем недолго.

Настя почувствовала начало обрушения раньше Степана.

– Начинается! – выкрикнула она.

Сейсмическая волна, идущая от места разлома, сбила с ног почти всех, кто оказался не готов к этому. Степан с Настей удержались, а вот Леонид упал и чуть не попал под налетевшую толпу. Раздался истошный крик. Люди увидели, как часть посёлка и всё, что было перед ним, исчезли. А за Краем зияла пугающая пустота. Невероятность такого явления заставляла людей мгновенно проникаться всем, о чём им рассказывали. Те, кто минуту назад искренне призывал остановиться, с воплями бросились вперед.

Формально начался новый забег или новый день, что в этом мире являлось синонимами. Второй день можно было считать тяжелее первого в психологическом плане из-за того, что теперь Степан и Настя знали, каких усилий это будет стоить. Вряд ли организм серьезно изменился за одну ночь, чтобы надеяться на какие-то отличия в выносливости. Опытный Фёдор всё равно на каждый финиш прибегал с пеной у рта. Лучше всего мотивировали новички, напоминающие себя вчерашних, испуганные и растерянные. Повторно испытать это чувство Степан не хотел.

А толпа безумствовала. Как и вчера, не добежав до конца посёлка, появились те, кого покинули силы. Ноги у них просто подкашивались, и люди падали, создавая завалы и оказываясь на земле. Это ещё сильнее подстёгивало панические настроения толпы. Степан взял Настю за руку, чтобы не дать ей попасть под ноги неадекватных бегунов, мечущихся по дороге. Нашлись и такие, кто решал, что на соседних улицах нет людей, и теряли драгоценное время на то, чтобы бежать параллельно Краю, оказываясь, в конце концов, на точно таких же улицах, забитых бегущей толпой.

Очки помогали не щуриться на восходящее солнце, бьющее прямо в глаза. Степан решил, что если они нормально финишируют с Настей, то для следующего забега найдут в доме шляпы или кепки, чтобы не пекло голову.

Чем ближе подбегали к краю посёлка, тем отчетливее видели разницу между вчерашней трассой и той, что ждала их сегодня. Впереди зеленела степь, если это понятие природной зоны применимо к миру Тараумара. Возможно, лесов между стартом и финишем тут не существовало, иначе такую трассу очень сложно одолеть за отведённый хронометраж. Степан разумно предположил, что, не видя, в какой стороне происходит обрушение, можно запросто направиться к Краю.

Дважды они с Настей чуть не попали под беснующуюся толпу. Один раз какой-то псих перекинул через забор на дорогу канистру с горячей тряпкой, торчащей из горлышка. Те, кто увидел её, перепугались, решив, что сейчас рванёт, и отшатнулись в сторону, попав под напиральную толпу. Разумеется, ничего не рвануло и не загорелось. Тряпка потухла и просто дымила. Человек из каких-то подлых чувств устроил провокацию. Степан и Настя в этот момент оказались как раз под траекторией полёта канистры, и только хорошая реакция помогла им не оказаться под ногами напуганных людей.

В другой раз случилась внезапная драка. Кто-то из новеньких повздорил с опытным бегуном, не желающим с ним общаться. К новенькому подтянулись сочувствующие и попытались проучить опытного, посчитав его молчание признаком собственного унижения. Степан увидел начало драки. Опытный загорелый парень, похожий на всех остальных бегунов со стажем жилистой фигурой и пружинистым бегом, до последнего не реагировал на выходки наглецов. Только после того, как заводила попытался сбить его с ног ударом в спину, у того лопнуло терпение.

Драка в его исполнении напоминала эффект раскручивающейся пружины. Парень начал с главного, отвесив ему пару ударов, а потом не дал шанса остальным его подельникам, наказал так, чтобы все остальные поняли, что не стоит трогать того, кто здесь уже давно. Драку, соответственно, не видели те, кто напирал сзади, из-за чего образовалась ещё одна пробка. Поверженные противники стали причиной нового завала. Степан с Настей угодили в самую гущу и выбрались из неё, потеряв много сил. Леонид при этом не отстал и не потерялся. Он даже помахал обрадованно, что его наставники выбрались из переделки.

Посёлок закончился, и стало легче дышать. Народ растёкся по всей ширине широкой грунтовки и растянулся в длину. Отсутствие заборов, ограничивающих пространство, создавало иллюзию безопасности. Степан почувствовал по встроенным биологическим часам, что время второго обрушения Края подходит. Обернулся, увидел Леонида и показал ему активнее передвигать ногами. Тот всё понял, обернулся, догадавшись, что сейчас произойдёт.

– Ноги... не больно? – спросил Степан у Насти, увидев, что на дороге иногда попадаются торчащие камни.

– Я смотрю, – Настя не думала переживать по этому поводу. – Как здорово... что нет... пыли.

– Благодарь, – Степан широко улыбнулся. – Дышится легко.

– Начинается. – Настя обернулась.

Она увидела момент обрушения с самого начала. Перед посёлком по всей длине вверх взвился пылевой барьер, будто произошел одновременный взрыв. Сейсмическая волна, идущая по земле, тряхнула и уронила людей. Следом за ней ударило по ушам. Земная твердь отламывалась пружинисто, с отдачей. За барьером ещё осталось большое количество бегущих людей, в том числе из других групп. Посёлок ушел вниз, оставив после себя завихрения поднятой в воздух пыли.

На второе обрушение толпа новичков отреагировала не так бурно, как на первое. До большинства уже дошло, что всё всерьёз, поэтому они восприняли второе приближение Края с фатальным спокойствием. К тому же многие успели как следует устать, а усталость вызывает потерю интереса к происходящему и является первым признаком начинающейся апатии.

Степан с Настей решили, что будут бежать в спокойном режиме, чтобы сохранить силы. Начало трассы позволило им надеяться, что сегодня останется больше сил к финишу и получится насладиться мгновениями перед сном. Они даже решили не общаться, чтобы сохранить как можно больше сил и, может, суметь достичь того состояния, когда тело бежит само по себе, а фокус сознания находится вне его, не испытывая негатива физических нагрузок.

Так и было до третьего обрушения, а потом всё пошло не так. Кощей вдруг решил поменять дорогу и свернул в поле, хотя видимых причин для этого не было. Чистый горизонт просматривался на десятки километров вперёд. Никаких рек, холмов, способных скрыть неприятности, и прочего. Тем не менее Фёдор и Майка побежали за лидером группы, чуть ли не под прямым углом к тому маршруту, которым они бежали прежде.

– А если он... того... нажал на тормоза? – испугалась Настя, вспомнив вчерашнюю историю про загнавшихся Кощеев.

– Они вроде... останавливаются, – напомнил Степан.

Им всё равно ничего не оставалось, кроме как довериться опытным. Хотя собственный разум испытывал муки сомнений, а они, как оказалось, здорово отбирают силы. Страх неудачи сковывал тело, заставляя тратить на работу мышц больше энергии. Народ, у кого ещё хватало дыхания, принялся роптать, по инерции думая, что их возмущение кому-то интересно. Опытные бегуны молча выстроились за лидером и, поднимая ноги чуть выше, чем обычно, чтобы не путаться в траве, бежали змейкой, копируя маршрут авангарда группы.

Настя потеряла первый следок, зацепившись за растение, похожее на низкорослый репейник. Затем второй. Носки не по размеру стали сползать. Из страха остаться босиком она остановилась, чтобы подтянуть носки.

– Держи... тапки, – Степан протянул ей предусмотрительно взятую обувь.

Настя сунула ногу в правый тапок.

– Будет... тереть мозоль, – произнесла она. – Задник... как раз... по ней.

Она потрогала его и поморщилась.

– Подожди... ногу.

Степан присел перед Настей, взял в руки её стопу и снял верхний носок. Подтянул повыше нижний и обмотал снятым вокруг лодыжки, как поясом, чтобы тот не спадал. То же самое сделал на другой ноге. Защита от каменистой поверхности, конечно, никакая, но лучше, чем босиком, особенно для такой нежной ножки.

– Спасибо, – искренне поблагодарила его Настя.

Группа, даже новенькие, которых осталось в ней человек пятнадцать, убежали далеко вперёд. На том месте, где находились Степан с Настей, не осталось никого. Все остальные группы, бегущие параллельно, словно почувствовали, что это место опасно, и разбежались далеко от него, кто влево, кто вправо. Холодок неприятного предчувствия заставил Степана скорее продолжить бег.

– Бежим, – он дернул Настю за руку и помог ей разогнаться.

Отпустил, когда набрали крейсерскую скорость. Биологические часы отмеряли последние секунды перед обрушением. Сердце замирало от страха. До группы ещё оставалось метров пятьсот, что в существующей реальности было почти смертельным отставанием. Край всегда находился в трёхстах метрах позади последних бегунов, отобранных первыми тремя обрушениями.

Неожиданно Настя прибавила ходу.

– Скорее! – крикнула она.

Степан ускорился, но буквально следующий шаг оказался в пустоту. Привычное ледяное дыхание окатило его сзади, по ушам ударил страшный гром лопнувшей тверди. Он упал и увидел, как упала Настя. Пыль окутала их и пролетевшие со свистом мелкие камни. Степан вскочил на ноги и замер, заворожённый невиданным зрелищем. Он стоял на Краю мира. Открыв-

шаяся с близкого расстояния Бездна была похожа на границу перехода земной атмосферы и космоса, только перевернутая вверх ногами. Голубое небо, освещённое солнцем, становилось темнее вниз, пока не превращалось в абсолютно чёрное Ничто. Отколовшийся край земли растворился во тьме без следа.

Настя тронула Степана за руку. Он вздрогнул от неожиданности.

– Теряем... время, – произнесла она, тяжело дыша.

В этот раз Край сломался совсем не так, как ожидали они. Он вонзился клином, разделив группы между собой. Дорога, по которой они бежали изначально, оказалась на пути этого клина. Как это понял Кощей, для Степана осталось загадкой. Они выбежали из облака поднятой пыли, успевшей осесть на их вспотевших лицах серой маской. Хвост группы находился в километре впереди. Огромнейшее расстояние, чтобы нагнать бегущих. Также они заметили, что из-за маневров остальные группы бегут вплотную друг к другу.

Направление движения при этом происходило под острым углом к новому Краю. Невероятная солидарность всех Кощеев и Компасов соседних команд, выбравших единый вектор, вызывала искреннее любопытство Степана. Несмотря на усталость и необходимость ускориться, он находил в себе желание понять или научиться этому умению. В будущем, когда тело привыкнет к нагрузкам, а умение позволит вовремя реагировать на меняющиеся обстоятельства без потери сил, как сейчас, бег мог стать не более сложным занятием, чем обычный восьмичасовой рабочий день.

Степан с Настей побежали не следом за группой, а рассчитали оптимальный путь, чтобы встретиться минут через двадцать, надеясь, что перед следующим обрушением не произойдет никаких изменений направления бега. Страх остаться в одиночестве помог им не раскисать и не совершать ненужных движений. Фактически они успели отдохнуть и пробежать меньше, чем остальные члены группы. Двигаясь им наперерез прямо от Края, не понадобилось бежать быстро.

Кощей, как существо из другого мира, пробежал мимо них, не удостоив взглядом. Может, он уже и не являлся человеком в полном смысле. Слишком другой, оружие бега, в котором нет ничего ненужного. Глаза пустые, будто проходы в другой мир, он либо пребывал сейчас в каком-нибудь измененном состоянии, доведя себя бегом до транса, как шаман, либо мир Тараумара творил с людьми удивительные метаморфозы, превращая их во что-то отличное от привычного понимания человека. Кощей вызывал у Степана лёгкое чувство страха и уважения, как если бы он увидел сейчас настоящего, документально подтвержденного языческого бога. Не всемогущий, но уже с суперспособностями.

Они не стали бежать во главе группы, отстали до середины. Фёдор хлопнул Степана по плечу.

– Везунчики.

Степан вытер пот со лба.

– Как... сказать.

– Почему... Край... сломался так? – спросила Настя.

– Скоро... выясним, – ответил Фёдор, больше никак не комментируя сказанное.

Он будто накаркал, Кощей снова резко поменял маршрут. Группа, бегущая в двухстах метрах правее, вдруг направилась им наперерез, будто у их лидера появилось другое мнение относительно того, как обломится Край в следующий раз. Через минуту обе группы встретились и пробежали сквозь друг друга. Никто ничего при этом не спрашивал, кто какими методами руководствуется. Бегущие полностью полагались на интуицию и умения своих лидеров.

Край в очередной раз доказал, что он не шоколадка, которая ломается по плиткам. Он обрушился как положено, но пустил новые трещины, заставляя испытывать страх у бегущих. Если бы Кощей в той группе, в которой бежали Степан с Настей, не изменил маршрут, то они

бы угодили в Бездну, как та группа, с которой встретились. Около сотни человек канули в небытие в прямом смысле.

Бегущая во главе следом за Кощеем женщина отделилась в сторону и, отставая, рассматривала бегущих. Она дошла до Степана с Настей. Взгляд её, как рентген, просканировал молодых людей. Выглядела она как ведьма – из-за непослушных волос и резких черт лица. Она напугала Настю. Бедная девушка спряталась за Степана.

– Чего она... так на меня... смотрит?

Женщина задержалась возле них дольше, чем перед другими, и вдруг резко выкрикнула:

– Ты... можешь стать... обузой, – слова будто бы адресовались Насте.

Девушка схватила за руку Степана.

– Что... это значит?

– Не знаю... надо будет... спросить Фёдора.

Женщина отстала ещё, рассматривая бегущих, и задержалась у Леонида, взмыленного, с пеной у рта. У того даже не было сил обращать на нее внимание. Он бежал, борясь только со своей слабостью. Женщина резко подскочила к нему и нанесла удар голенью в бедро. Леонид упал и закувыркался по земле. Женщина как ни в чем не бывало обогнала всех и вернулась в строй, встав за Кощеем.

Глаза у Насти сделались по пятаку. Она не могла поверить, что такое возможно, чтобы кого-то намеренно выбить из гонки таким бесчеловечным способом. Леонид поднялся спустя какое-то время, попытался бежать и не смог. Он хромал, и это не предвещало ему ничего хорошего.

Чтобы хоть как-то успокоить Настю, Степан догнал Фёдора.

– За что... она выбила... Леонида? – спросил он.

– Край... стал охотиться... на нас. Кто-то... слишком... неправильный... для этого... мира, – пояснил Фёдор. – Она Медиум... или Ведьма... скоро узнаем... ошиблась или нет.

– Точно, ведьма, – согласился Степан. – Она сказала... Насте... что она... может стать... обузой... что это значит?

– Мысли не те... думает... может заякорить... всю группу.

– И что... её тоже... как Леонида?

– Да... поговори с Настей... узнай, что не так.

– Откуда я знаю... как мысли... надо думать... поговори ты... после финиша.

– Посмотрим.

Фёдор отвернулся, давая понять, что больше не намерен тратить сил на болтовню. Степан отстал.

– Ну... что узнал?

– Тётка Ведьма... вычислила нашего Леонида... как вредителя... говорит... Край за ним... охотится.

– А про меня?

– У тебя мысли... неправильные... надо выяснить... какие.

В следующий раз Край откололся по классической схеме, оправдав поступок Ведьмы. Группа выдохнула с облегчением. Кощей вывел всех на дорогу, перпендикулярную линии Края, и повел вперёд в более спокойном темпе. Если бы не инцидент с Леонидом, которого Настя со Степаном посчитали своим первым учеником, да пугающие предупреждения Ведьмы, можно было бы сказать, что трасса выдалась проще вчерашней.

Во второй половине дня припустил лёгкий дождь, и дорога стала скользкой. Ноги разъезжались по грязи, она норовила налипнуть к подошве комьями. Пришлось бежать по плотному спорышу, полностью покрывающему землю у обочины. Дождь смыл грязь и пот, добавил свежести и сил. К вечеру всё равно от обезвоживания стала кружиться голова, и возникло ощу-

щение отстранённости от происходящего, пока не появились сквозь туманную дымку очертания следующего посёлка.

Глава 5

Почему мир устроен так, что нельзя вернуться в прошлое и переделать его? Почему время гонит нас вперёд, не давая шанса исправить ошибки? Заставляет проживать свою жизнь один раз и сразу на чистовую. Как было бы здорово иметь столько шансов, сколько нужно, для получения удовлетворительного результата! Но асфальтоукладочный каток времени безжалостно гонит нас вперед, грозя раскатать в лепешку, если мы замедлим бег.

На этот раз Степан с Настей постарались бежать до самого финиша, но сбавив темп. Они не обращали внимания на новичков, взирающих на них теми же глазами, какими они сами смотрели на странных закопчённых, запыхавшихся бегунов, прибежавших с той стороны, откуда доносился гром. Над разумом довлела одна мысль: напиться, помыться, перекусить и упасть, причем не обязательно в перечисленном порядке. Хотелось всего и сразу. В ушах шумела кровь, в горле саднило, лодыжки и колени распухли. Второй день к финишу не показался легче первого. В чем-то он вышел даже тяжелее, особенно в наступающем понимании, что этот бег теперь навсегда. Настя показала стопы. На месте носков зияли дыры, обнажающие грязные подошвы ног.

Посёлок снова оказался другим, не похожим на два предыдущих. В этот раз упор был сделан на постройки начального советского периода, типовые двухэтажные дома с двумя подъездами, пригороженными к ним палисадниками и общим двором на несколько домов с неизменными качелями. Во дворах росли в основном раскидистые клены и сирень.

Местами дорогу пересекали железнодорожные пути, пахнущие креозотом, но ни один поезд на них не стоял. Степан растерялся, не зная, какой из одинаковых домов выбрать. Везде были люди, а хотелось тишины. Он решил, что лучший способ – это подсмотреть за опытными. Фёдора с Майкой они упустили, так что пришлось держаться загорелого мужчины с кучерявой причёской и такой же кучерявой бородой.

Он свернул через три квартала налево у стоящего на углу ларька с овощами. Степан схватил из ящика две помидорки и проткнул нежную плоть зубами, как вампир, высасывая живительную бодрящую влагу. Второй помидор отдал Насте. Девушка поступила с ним так же, как и он. Кучерявый мужчина остановился у жёлтого двухэтажного дома с фасадной стороны и, прислонившись рукой к углу, старался отдышаться.

– В доме... вода есть? – спросил подбежавший к нему Степан.

Мужчина ничего не ответил.

– Простите... вы не слышите? – Степану стало неловко.

Тот отвернулся, словно не хотел разговаривать.

– Наверное... он глухонемой, – предположила Настя.

– Его-то за что... сюда? – Степану стало жалко человека, которому и в той жизни было не просто.

К ним подбежала женщина с убранными в хвост волосами, колыхающимися на бегу из стороны в сторону.

– Это Сарик, он Молчун, не общается, – пояснила она, поняв, что они пытаются с ним разговаривать. – Давно бежит. Из тех, кто потерял способность к коммуникации из-за отсутствия необходимости общаться.

– Такое возможно? – удивилась Настя.

– А такое возможно? – женщина развела руками, подразумевая невозможный мир Тараумара. – В нашей группе... два Молчуна, Сарик и ещё одна женщина... никто не знает, как её зовут... потому что все, кто помнил, когда она появилась в ней... уже давно оставили этот мир.

– А почему так происходит? – поинтересовался Степан.

– Я думаю, что мозг, обеспечивая единственную потребность в хорошем беге, урезает остальные функции с целью энергосбережения. Делается это ради выживания. Не все способны самостоятельно отказаться от ненужных мыслей или ненужной коммуникации в процессе бега, а это вредит. Необходимая деградация ради выживания. Вы же знаете, монотонный однообразный труд на протяжении долгого времени превращает человека в идиота?

– Я этого не знал, – признался Степан.

– Я тоже. А как же выражение, что труд сделал из обезьяны человека?

– Это же предположение, а здесь эволюция течет со скоростью день за сотню лет. Сарик – наглядное подтверждение моим словам. Идём, бедняга, – она взяла его за руку и потянула за дом.

– А можно, мы с вами? – попросилась Настя.

– Конечно, здесь всё общее.

– А вода здесь есть? – спросил Степан.

– Как и везде, может оказаться в холодильнике. Если не будет, в каждой ванной стоит титан с водой, попить и помыться хватит.

– Спасибо, – поблагодарила её Настя.

Они вошли в подъезд и поднялись на второй этаж по скрипучей деревянной лестнице с вытертыми ступенями. Выбрали из трех квартир на площадке ту, что налево. Дверь из красной фанеры открылась без всяких секретов. Они вошли внутрь.

– Ох ты, чёрт! – воскликнула Настя.

Она смотрелась в старомодное зеркало с облупившимся местами зеркальным слоем, висящее на гвоздике в коридоре. В его сумраке внешность Насти менялась кардинально. Она становилась похожей на тёмную сущность самой себя. Потемневшая от загара и грязи кожа и ставшие на их фоне более заметными глаза. Растрёпанные грязные волосы, грязь вокруг рта и размазанная по щекам.

– Если бы от меня зависело, из чего создавать здешний мир, то я бы зеркала сюда не отправляла. Какое чудовище, – она посмотрела на себя со всех сторон. – Какой мир, такая и я. Гармония.

– А я не буду смотреться, пока не умоюсь. – Степан поцеловал Настю в затылок.

– Фу, не касайся моей грязной головы.

Заходящее солнце било в окна зала и спальни, отражаясь на стене двумя прямоугольниками с крестовинами рамы. В зале стоял красный диван без всяких накидок, два кресла из того же материала и старинный телевизор на ножках. В спальне заправленная высокая железная кровать, над ней висел портрет мужчины в военной фуражке и ковер. Большой стол, накрытый скатертью, свежие цветы в вазе и комод на кривых ножках.

– Я в душ. – Насте было не до любований интересами.

– А я в холодильник.

Они разделились. Степан открыл старинный холодильник с большой хромированной ручкой. Первое, что он увидел, это трёхлитровый бидон, похожий на тот, что сохранился у его бабушки. Он был накрыт эмалированной крышкой. Вынул с замиранием сердца, боясь спугнуть удачу, и когда поднял крышку, чуть не вскрикнул от радости. В бидоне оказался квас, как он и хотел, ещё и холодный. Степан нашёл большой бокал, заранее смакуя предстоящие ощущения. Во рту, непонятно откуда, взялась слюна. А он уже думал, что состоит из одного сухого остатка.

Степан сделал несколько глотков. Ароматная влага растеклась по телу животворящей прохладой. Организм каждую каплю кваса превращал в пользу. Не к месту он вспомнил, что с тех пор, как очутился в мире Тараумара, ещё ни разу не ходил в туалет по большим делам, словно организм полностью перерабатывал пищу. Он выпил до дна, налил ещё, одолел половину и только после этого рассмотрел всё, что лежало внутри холодильника. Похоже, устрой-

тели шоу, кем бы они ни были, копировали этот посёлок с советского примерно того времени, когда родители Степана были ещё детьми.

В холодильнике хранились треугольные пакеты молока, большой кусок варёной колбасы в натуральной оболочке, начатая банка варенья, накрытая бумажкой. В дверке стояла бутылка кефира с пробкой из розовой фольги и баночка сметаны с пробкой из синей. Степан вынул кефир и колбасу. Увидел хлебницу на столе, открыл её и обнаружил половину булки черного хлеба. Ужин сегодня предстоял простой, но вкусный.

Настя вошла в кухню, прикрытая полотенцем.

– Иди, вода, как ни странно, теплая. Из всего моющего только мыло со странным запахом, – она увидела продукты на столе. – Ух ты, как в музее.

– Вот квас, чтобы кишочки расклеить, – посоветовал Степан и убежал в душ.

Вернулся он минут через пять. Настя сделал два бутерброда. Один ела сама, второй для Степана. Её глаза моргали с трудом. Казалось, ещё мгновение, и она не сможет их открыть.

– Этот твой квас как будто с градусами. Я уплываю. Мне даже сидеть тяжело, – призналась она.

– Доедай и ложись спать.

– Закройся, не забудь, не хочу сюрпризов во сне.

– Ладно, закроюсь, – пообещал Степан.

Настя доела бутерброд, сделала глоток кефира и медленно поплелась в спальню, повязав полотенце на мокрую голову. Степан отметил, что в её фигуре появились изменения. Бёдра подсушились, талия обозначилась резче, но, правда, от нагрузок разнесло колени и лодыжки, которые смотрелись неестественно. Она ушла в спальню и закричала панцирной сеткой.

Степан, доедая бутерброд, тоже почувствовал, что с трудом осилит его. Организм буквально сдался и не желал напрягать даже челюстные мышцы. В дверь неожиданно постучали. Степан не хотел открывать, надеясь, что стук скоро прекратится, но он продолжался. Причем стучали так ненавязчиво, вежливо, будто точно знали, кто здесь остановился.

– Кто? – Степан всё же решил спросить.

– Это я, женщина, которая с Сариком была. У нас пьяная компания веселится, пустите к себе.

Степан открыл дверь. Женщина, уже переодевшись в другую одежду, с мокрыми волосами, стояла на ступеньках. За ней Сарик с нейтральным видом, будто ему всё равно. Снизу доносились шум и пьяные крики.

– Заходите, – пригласил их Степан.

– Спасибо. Идем, Сарик.

Они прошли в квартиру.

– Туда кухня, туда душ. Мы спим в спальне, а вы в зале, на диване, – разложил по полкам Степан.

– Спасибо, – поблагодарила его женщина. – Однажды мне пришлось спать под кроватью во время пьяной вечеринки, на следующий день думала – не добегу.

– Странные люди, попадают в такое место, где и дышать-то страшно, а они сразу бухать, – удивился Степан.

– Такие сюда и попадают. Утиль. Последний шанс, который они точно не используют. Ладно, иди спать, у тебя уже глаза не открываются, – женщина сжалась над Степаном.

– Сейчас, только дверь закрою на замок.

Степан закрыл дверь и ушел в спальню. Забрался в нагретую кровать и, прижавшись к Насте, мгновенно уснул. Проснулся по тому же сценарию, что и в прошлое утро. В голове натурально бумкнуло, и сон прекратился. У обоих одновременно. Настя соскочила голышом с кровати и собралась выбежать на кухню, но Степан её остановил.

– Мы не одни, оденься, – шепнул он ей.

Это очень удивило её. Она выглянула в зал и увидела проснувшихся Сарика и знакомую женщину. Вернулась и стала искать в шкафу подходящую одежду. Размеры и фасон ей не нравились.

– Ты же не по подиуму бегаешь, – успокоил её Степан. – Люди вон от ненужности разговаривать забывают, а ты всё о внешности печешься.

– Я девушка и хочу быть красивой. Моё внешнее должно быть продолжением внутреннего, – с досадой бросая очередную вещь на пол, отозвалась она. – А внутреннее у меня просто бесподобно красивое.

– Вот это вот в горошек, по-моему, тебе идёт, – прокомментировал Степан приталенное платье в её руках.

Настя надела его, повертелась перед зеркалом, собрала волосы в кулак, потом распустила. Степан заметил, что колени у неё выглядят совсем не распухшими, как и лодыжки.

– Ноги не болят? – уточнил он.

Настя подвигала ими, присела пару раз.

– Нет, не болят. Чувствуется, что нагружены, но боли нет. И коленки нормальные. – Теперь она сама заметила это, и, кажется, её это настроило на позитивный лад.

Настя больше не стала ничего примерять. Вышла в зал.

– Всем приветтики. Простите, что не встретила вас вчера, отрубилась в полёте. Сейчас что-нибудь приготовлю на завтрак. – Она ушла на кухню.

Женщина затопала следом. Степан тоже полез в шкаф, чтобы подобрать одежду себе. Мужской в гардеробе оказалось негусто. Треники с отвисшими коленками, куча маек «алкашек», растянутых на животе, парадная майка-поло с эмблемой «Динамо» да деловой костюм. Степан примерил майку. На нём она сидела хорошо. Видать, владелец надевал нечасто и не успел растянуть. Вниз пришлось надеть более-менее приличные треники с тормозками. Степан критически осмотрел отражение в зеркале.

– На денёк сойдёт, – успокоил он себя.

Вышел в зал и увидел Сарика, одевающегося в то же, в чем бегал вчера.

– Здорбво. Иди в спальню, выбери себе любую новую одежду, – предложил он.

Тот посмотрел на Степана, как на идиота, но всё же пошел. Женщины на кухне готовили завтрак и общались.

– У меня пятки в кровь сбились в первый день, поэтому бегу в носках, – призналась Настя женщине.

– Здесь болячки зарастают, как на собаке. А ну, покажи ногу.

– Всем привет, – поздоровался Степан.

Настя хихикнула, увидев его в новой одежде.

– А что, «Динамо» сегодня бежит? – спросила женщина и рассмеялась.

– И «Динамо», и «Трудовые резервы», – ответил Степан, показав ей, что осведомлён, откуда цитата.

– Это Валя, – представила Настя женщину. – Тоже была медиком до всего этого.

– Очень приятно, Степан. Работал менеджером по оптовым продажам, – представился он.

– Очень приятно. Давай ногу, посмотрим на твои мозоли, – напомнила она Насте.

Подруга Степана встала к ней спиной и подняла ножку. Валя осмотрела её болячки, потрогала их, постучала по ним пальцем, а потом, ловко подковырнув ногтем, сорвала. Настя только ойкнула. На месте болячки розовела свежая плоть без намёка на кровь.

– Я же говорю, как на собаке. Бегать в носках не очень хорошая идея. Иногда вся трасса в камнях, тут не только ноги разобьёшь, но и не всякая обувь вытерпит. Хорошо, что они редко выпадают, – пояснила новая знакомая. – Найти хорошую обувь дорогого стоит.

– А вы тут давно? – спросил Степан.

– Больше месяца, – ответила она таким серьёзным тоном, что пришлось проникнуться уважением к её опыту. – Ладно, давайте завтракать. Время – деньги.

Пришёл Сарик, натянувший на волосатое тело майку «алкашку» и самые захудалые треники. Валентина усмехнулась, увидев его, но ничего не сказала.

– Вы вместе бежите? – поинтересовался Степан.

– Нет, сами по себе, но после финиша я часто присматриваю за ним, – призналась Валя. – Новенькие думают, что он дерзит им, не разговаривая, приходится объяснять, что это не так. Иногда не успеваю, и тогда случается всякое. Обычно Сарик терпит до последнего, а потом начинает бить. А вы, наверное, уже видели, что бегуны со стажем дерутся хорошо.

– Да, видели. Это тоже побочный эффект от высоких физических нагрузок и быстрого метаболизма? – поинтересовался Степан.

– Наверное. Или правила, которые нам создали.

– Вы верите, что это место создано искусственно, ради чьего-то развлечения? – спросила Настя.

– А на что это ещё похоже? – пожала плечами Валя. – Тараканьи бега со ставками для очень высокоразвитых игроков. Мы находимся внутри какой-то искусственной локации с необычными законами физики. Никто не видел ни разу, что там впереди, дальше одного дневного перехода. Скорее всего, ничего нет, так же, как и позади, за Краем. Если бы кто-нибудь из новеньких вдруг решил убежать вперед с того момента, как появился здесь, было бы интересно узнать, что он увидел. Только я заранее знаю, что ему этого не позволят.

– Игроки? – догадалась Настя.

– Они самые.

– Тогда зачем вы бежите? – спросил Степан. – Раз это игра, то и смерти нет, только окончание игры.

– Ну, не настолько аналогично компьютерной игре, как ты подумал. Смерть тут настоящая, не игровая. Так и игрокам будет легче, веселее. Я тут подумала, – Валентина понизила голос, – а что, если ставкой нашей игры является Земля?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.